

IV.

А. Ө. Воейковъ.

Въ концѣ 1813 года появился въ кругу Протасовыхъ Ал. Өед. Воейковъ (1778—1839), воспитанникъ Московскаго Университетскаго Пансіона, пріятель Мерзлякова, знакомый Жуковскаго и Тургенева по Дружескому Литературному Обществу, собиравшій друзей на вечерникахъ въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Вечеринки эти долго были памятны, какъ и „ветхій домъ“, о которомъ говорилъ Андрей Тургеневъ:

Сей ветхій домъ, сей дикій садъ глухой,
Убѣжище друзей, соединенныхъ Фебомъ,
Гдѣ въ радости сердце клялися передъ небомъ,
Клялися своей душой,
Запечатлѣвъ обѣтъ слезами,
Любить отечество и вѣчно быть друзьями ¹⁾.

Когда друзья разѣхались, Жуковский въ деревню, Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ за границу, Мерзляковъ скучалъ по тѣмъ часамъ прекраснымъ,

Когда мы въ кочкахъ, подъ шатромъ,
Въ сентябрьскіи вечера ненастны,
Съ любезной трубкой и виномъ,
Родныя пѣсенки пѣвали
И съ бурей голосъ соглашали?

1) Славянинъ, изд. Воейковымъ. Ч. XIII (1830 г.), стр. 147: „Къ ветхому Поддѣвическому дому А. Ө. В-ва“. О литературныхъ вечерахъ и попойкахъ у Воейкова, въ которыхъ принимали участіе Мерзляковъ, Сумароковъ, Каченовскій и друг., говоритъ Жихаревъ подъ 1806 годомъ. Сл. Записки С. Н. Жихарева, стр. 159, 207—8.

тогда какъ въ небѣ „съ тьмой ночной огонь сражался Оссіана“, скрипѣли старыя березы и стлались по землѣ желтые листы, а они съ улыбкой мирной на челѣ сидѣли вокругъ огня

И съ удовольствіемъ смотрѣли,
Какъ грѣтое рукой твоей,
Любезный, милый мой Андрей,
Готовилось на общу радость.

Теперь все перемѣнилось и домикъ развалился,

И Оссіанъ уже забыть!
И на разрытую могилу
Прошедшихъ радостей, забавъ,
Никто, никто уже не взглянетъ!
Никто, никто не вспомянетъ
Тотъ садъ, гдѣ дружба разцвѣла,
Мое блаженство мнѣ явила,
Утѣхи вѣка въ часъ стѣснила
И—все съ собою унесла ¹⁾).

И Жуковскій и Воейковъ вспоминали впоследствии о „ветхомъ домѣ“, гдѣ они

столь сладко пировали,
Который мы мечтами населяли;
Гдѣ цвѣлъ тотъ садъ, который мы
Въ повѣренныя тайнъ сердечныхъ избирали,
Гдѣ, распаливъ виномъ и спорами умы
И къ человѣчеству любовью,
Хотѣли выкупить блаженство ближнихъ кровью,
При звукѣ радостномъ покаловъ, хоровъ, лиръ,
Преобразить спѣшили міръ;
Намъ, юношамъ неосторожнымъ
И невозможное казалось возможнымъ....

Но золотой возрастъ пролетѣлъ, опытъ спустилъ мечтателей въ міръ дѣйствительности, кружокъ распался, иныхъ унесла

1) См. Сухомлиновъ, А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья, Извѣстія Отдѣл. Русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ 1897 г. Т. II, кн. I, стр. 25 слѣд.: письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ Ал. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову 17 сентября 1802 г.

смерть (Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова), другіе разбрелись каждый своей тропой, и Воейковъ помнить, какъ онъ

Въ житейское пустился море.
Пловецъ неопытный среди ревущихъ волнъ
Въ краяхъ безвѣстныхъ мыкалъ горе ¹⁾.

Онъ уже успѣлъ создать себѣ нѣкоторую извѣстность ²⁾. Какъ Жуковский, Глинка, Загоскинъ, А. А. Перовскій (Погорѣльскій) и многіе другіе, онъ вступилъ въ ряды русской арміи и, выйдя въ отставку по окончаніи войны, предпринялъ путешествіе по Россіи ³⁾. Съ дороги онъ писалъ Жуковскому. „Братъ, я получилъ твое письмо изъ Сарепты, отвѣчалъ ему Жуковский ⁴⁾, и получилъ его въ то время, когда писалъ къ Тургеневу посланіе, касающееся и тебя, ибо въ немъ говорится о прошломъ времени, о нашемъ лучшемъ времени; я доставлю его и къ тебѣ, ибо ты имѣешь на него такое же право, какъ и Тургеневъ. Ты одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ той прекрасной комедіи, которую мы играли во время оно и которая называется *счастье*. Многіе изъ актеровъ сошли со сцены, а для остальныхъ піеса кончилась; они раздѣлились, устали и просятъ, чтобы ихъ скорѣе отпустили по домамъ“. Таково и настроеніе посланія Жуковскаго къ Тургеневу, на которое намекаетъ письмо; это настроеніе его старой элегіи „Вечеръ“ (1806 г.); тѣснятся воспоминанія о тѣхъ годахъ,

Когда мы всѣ, товарищи-друзья,
Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы,....

1) Воейковъ, Посланіе къ женѣ и друзьямъ, Сынъ Отечества 1821 г., ч. 67, № IV, стр. 177 слѣд.: оно подписано „1816 г. августа 20 дня. Дерптъ“, но нѣсколько стиховъ въ концѣ добавлено нѣсколько лѣтъ спустя.

2) Сатира къ Сперанскому: Объ истинномъ благородствѣ. Вѣстникъ Европы 1806 г. № 19, октябрь стр. 195 слѣд; переводъ сочиненія Вольтера: Царствованіе Людовика XIV и Людовика XV, 1808—9 г.

3) См. его стихотвореніе: Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по отечеству, Вѣстникъ Европы 1818 г. ч. XCIX, № 12 (іюнь), стр. 265 слѣд.; это же посланіе подъ заглавіемъ „къ М. М. М(ихайлову)“. О пользѣ путешествія по отечеству перепечатано съ нѣкоторыми измѣненіями въ Славянинѣ, 1827 г., ч. III, № XXXVIII, отд. 2-е, стр. 450—462; см. также указанія Жуковскаго въ его посланіи къ Воейкову.

4) Въ сентябрѣ 1813 г.; сл. Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 16—17 и письмо Жуковскаго къ Ал. Тургеневу отъ 2 сентября того же года.

Грядущее надеждой украшали —
 И радостнымъ оно являлось намъ!
 Гдѣ время то, когда по вечерамъ
 Въ веселый кругъ насъ музы собирали?
 Нѣтъ и слѣдовъ! Исчезло все — и садъ
 И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ
 Святой союзъ любви торжествовали
 И звономъ чапъ шумъ вѣтровъ заглушали.
 Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ
 Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?

Жуковский вспомнилъ Андрея Тургенева и прелестно характеризуетъ его отца, старика-юношу.

Увы! ихъ нѣтъ!.... мы-жъ каждый по тропамъ
 Незнаемымъ за счастьемъ полетѣли,
 Намъ прошепталъ какой-то голосъ: тамъ!....
 Но опытъ вдругъ накинулъ покрывало
 На нашу даль — и тамъ одинъ лишь мракъ!
 И вѣрою въ грядущее убоги,
 Задумчиво глядимъ съ полудороги
 На спутниковъ, оставшихъ назади....
 Мы разными дорогами пошли:
 Но что-жъ, куда онѣ насъ привели?
Все къ одному, что счастье — заблужденье,....
 Что ничего намъ жизнь не общаетъ.
 И мы еще, мой другъ, во цвѣтѣхъ лѣтъ....
 Дай руку, братъ! Какъ знать, куда нашъ путь
 Насъ приведетъ, и скоро-ль онъ свершится,
 И что еще во мглѣ судьбы таится —
 Но дружба намъ звѣздой отрады будь!

(А. П. Тургеневу въ отвѣтъ на его письмо 1813 г.).

Жуковский приглашалъ Воейкова пріѣхать: „Поговоримъ о прошломъ, поплюемъ на настоящее и еще тѣсенѣе сдружимся, чтò главное“; Воейковъ познакомится съ двумя милыми семействами (Протасовыми и Плещеевыми), а Жуковский передастъ ему изъ рукъ въ руки посланіе къ нему въ отвѣтъ на посланіе Воейкова, „прекрасное и слишкомъ уже для меня обольстительное“. Дѣло идетъ о посланіи Воейкова, написанномъ въ народно-реторическомъ вкусѣ, метромъ, встрѣчающимся у Дер-

жавина ¹⁾, въ Карамзинскомъ „Ильѣ“ (1794 г.) и „Бахаріянѣ“ Хераскова (— — — — —) ²⁾; имъ пользовался и Жуковский ³⁾ и Пушкинъ ⁴⁾. Посланіе полно лести и — непониманія Жуковского, какъ поэта:

Ты, который съ равной легкостью,
Съ равнымъ даромъ пишешь сказочки,
Оды, пѣсни и элегіи;
Музь любимецъ и учитель мой
Въ описательной поэзіи (?)

Далѣе перифразируются идеи посланій Жуковского къ Делію (подражаніе Горацию 1809 г.) и къ Батюшкову (1812 г.), но черты его милаго гедонизма подчеркнуты рукой реалиста: будто Жуковский поощряетъ „къ сладострастію изящному“, напоминая, что жизнь есть мигъ, что слѣдуетъ наслаждаться настоящимъ днемъ, топить грусть въ чашѣ радости, чтобы смерть нечаянно посѣтила насъ среди пиршества ⁵⁾. Упоминаніе „Людмилы“ и „Свѣтланы“ не приготавливаютъ къ слѣдующему панегирику:

О соперникъ Гёте, Бюргера!
Этой сладкою поэзіей,
Этой милой философіей
Ты плѣняешь, восхищаешь насъ,
Превосходенъ и въ бездѣлицахъ,
Кисть Альбана въ самыхъ мелочахъ.

1) Добрыня: Ахъ, столица это солнышка, Ахъ! того-ли Володимира.

2) Бахаріяна или Неизвѣстный, Вступленіе:

Древнимъ пой стопосложеніемъ,
Кои́мъ пѣли въ вѣки прежніе
Трубадуры царства русскаго;
.....
Иль такимъ стопосложеніемъ,
Кои́мъ справедливо нравится
Недопѣтый Илья Муромецъ.

3) Въ стихотворныхъ партіяхъ переведеннаго съ Флоріана Донъ-Кихота (1804 г.).

4) Въ отрывкахъ „Бовы“.

5) Сл. посланіе къ Делію: „Пусть смерть зайдетъ къ намъ не нарочно, какъ добрый, но неожиданный другъ“.

Но пора бросить мелочи для состязанія „съ истинными, увѣнчанными поэтами“; пусть воспоетъ „четыре части дня“, „четыре времени“. Чувствуется, что говоритъ переводчикъ „Делилевыхъ садовъ“ (1816 г.) и Георгикъ (Вѣстникъ Европы 1817 г.); далѣе народникъ: отчего бы Жуковскому не взяться за „поэму славную — *Въ русскомъ вкусъ повѣсть древнюю*“¹⁾, онъ будетъ нашимъ Виландомъ, Аріостомъ, Баяномъ. И Воейковъ подсказываетъ ему сюжеты: Святославъ съ Добрынею, Владимиръ — „русско солнышко, Нашъ Готффридъ или Великій Карлъ“; Димитрій Донской, Петръ-Самсонъ, разодравшій челюсть льва, Суворовъ, Кутузовъ, Платовъ, который такъ, какъ волхвъ, Сърымъ волкомъ рыщетъ по лѣсу, Сизымъ орломъ по поднебесью, Щукой зоркою по рѣкѣ плыветъ, И въ единый мигъ и тамъ и здѣсь Колетъ, гонитъ и въ полонъ беретъ. Воспой,

И тебѣ, орелъ поэзи,
Подлѣ Грея, подлѣ Томсона,
Мѣсто на небѣ готовится.

(Вѣстникъ Европы 1813 г., мартъ № 5 — 6, стр. 26 слѣд.).

Воейковъ быстро освоился въ семьѣ Протасовыхъ и сталъ ужазивать за младшей сестрой Маши, Александрой Андреев-ной. Послѣ Маши она была всего ближе сердцу Жуковского, съ молоду онъ глубоко привязался къ своей „милой Граціи“, переписывавшей въ Муратовскомъ уединеніи его стихи²⁾, и эта дружба съ „прелестнымъ товарищемъ“, „нѣжнѣйшимъ товарищемъ“ его души³⁾, полная отеческихъ заботъ и оберега, длилась всю жизнь. Она знала сердечную тайну поэта, которую, говорятъ, угадалъ и Воейковъ: въ дневникъ Жуковского онъ вписалъ тайкомъ нѣсколько стиховъ, касавшихся его отношенія къ Машѣ⁴⁾. На нихъ-то намекаетъ Жуковский въ своемъ посланіи 29 генваря 1814 г. (Вѣстникъ Европы 1814 г., мартъ № 6 стр. 97—106), приглашая Воейкова, заведеннаго дружескою рукою въ обитель „брата“, вспомнить призраки золотыя

1) Пушкинъ Дельвигу, Кишиневъ 1821 г., 23 марта: „Напиши поэму славную, только не *четыре части дня* и не *четыре времени юда*“.

2) Жуковский къ Ал. Тургеневу 1810 г., 12 сентября.

3) Письмо къ Тургеневу 1829 г. 16 марта.

4) Зейдлицъ I. с. стр. 59, 60.

Невозвратимыхъ тѣхъ временъ,
Когда мы — гости молодые
У милой жизни на пиру —
Изъ полной чаши радость пили
И счастье наше! говорили
Въ своемъ пророческомъ жару....
Мой другъ, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвѣстно
Все то, что здѣсь намъ суждено....
А время мчится безъ возврата,
А жизнь — измѣнница за нимъ;
Одинъ уходитъ за другимъ;
Другъ, оглянись.... еще нѣтъ брата....¹⁾
Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ;
Пустѣй дорога передъ нами!
Но такъ и быть!.... Здѣсь твой поэтъ
Съ смиренной музою, съ друзьями,
Въ смиренномъ уголкѣ живетъ
И у моря погоды ждетъ.
И ты, мой другъ, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спѣшишь волшебныхъ струнъ игрою
Въ немъ спящій геній пробудить.

Онъ уже очарованъ ею и ему видятся чудеса — и онъ набрасываетъ въ нѣсколькихъ стихахъ очертанія поэмы „Владимиръ“, которую затѣялъ еще въ 1810 году. Ты чародѣй, а не поэтъ, продолжаетъ Жуковский: прочтя посланіе Воейкова онъ „готовъ дерзнуть за обольстительной славой“

Что сдѣлалъ ты, пѣвецъ лукавый!
Мою ты душу погубилъ!
*И кто, скажи мнѣ, научилъ
Тебя предречь осмью стихами
Въ сей книгѣ съ бѣлыми листами
Весь сокровенный жребій мой? ²⁾*

1) Андрея Сергѣевича Кайсарова, убитаго въ сраженіи 14/26 мая 1813 года.

2) Въ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ этого отрывка нѣсколько измѣненъ.

„Книга съ бѣлыми листами“ — это, пока не написанная, поэма; если книга наполнится, пусть знаетъ „что счастливъ жребій мой“, если останется пустою, то да будетъ она Воейкову въ залогъ воспоминанья,

Увы! и въ знакъ, что въ жизни сей
Милѣйшя души моей
Не совершились желанья!
Прими ее... и пожалѣй.

Тѣмъ же днемъ, днемъ рожденія Жуковского, помѣчено и его стихотвореніе, очевидно, обращенное къ Машѣ (хотя противъ этого стихотворенія рукою Александры Андреевны Протасовой написано: Маминькѣ): если бы жить значило пойти въ путь безъ цѣли, бѣжать за мечтой, чтобъ уснуть въ гробовой колыбели,—зачѣмъ было бы жить? Но у него жребій иной:

Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ сказалъ: я другъ на вѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣшитель:
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!

(29 января 1814 г.).

Жуковский посвятилъ Воейкова въ свои надежды, твердо рассчитывая на его помощь, и обманулся. Воейковъ былъ типъ своеобразный, въ которомъ порой трудно различить долю прирожденности отъ вліянія условій, въ которыя поставилъ его перебой общественныхъ настроеній. Первая несомнѣнно преобладала въ его раннихъ отношеніяхъ къ Жуковскому; въ литературномъ дѣятелѣ позднѣйшаго времени сказался древній человѣкъ. Это былъ страстный эгоистъ, съ громаднымъ самоувереніемъ, поддержаннымъ случайнымъ успѣхомъ, воспитанный на классикахъ и философахъ XVIII вѣка, которыхъ онъ читалъ съ братьями Тургеневыми („тремя братьями Гракхами“ его дневника); онъ былъ чутокъ къ новымъ литературнымъ вѣяніямъ, не проникаясь ими, понимая ихъ и не признавая того, что было въ нихъ шагомъ къ новой жизни: его „Домъ сумасшедшихъ“ — сатира безъ исхода въ будущее. „Онъ былъ вольнопрактикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду“; у него было много ума, но „въ

душѣ его не было ничего поэтическаго, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Въ члены Арзамаса, гдѣ онъ носилъ кличку „Дымной Печурки“, его приняли по предложенію Жуковскаго, но неохотно: были какія то предубѣжденія ¹⁾. Онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то, но это не давалось и раздражало; чуткость обращалась въ чередованіе гиперболическихъ восхваленій, дѣланыхъ восторговъ и пасквилей; среди всего этого его самосознаніе торжествовало дешевую побѣду; отсутствію твердыхъ убѣжденій, кромѣ культа своей личности, отвѣчала неразборчивость средствъ и легкіе переходы отъ грязнаго поступка къ раскаянію. Его боялись и признавали его вкусъ: кн. Вяземскій доволенъ его злостной характеристикой Антонскаго, о которомъ самъ онъ далъ сочувственный отзывъ въ своей „старой записной книжкѣ“,—и говоритъ о Воейковѣ въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о *vilain monsieur* ²⁾. Пушкинъ называлъ его своимъ „покрывителемъ и другомъ“, тогда какъ онъ либеральничалъ и льстилъ, дружилъ съ Дуббельтомъ, писалъ доносы и поклонялся рангамъ, соединяя Вольтера съ святошествомъ и кваснымъ патріотизмомъ. Такъ кончилась его тревожная погоня за славой и положеніемъ ³⁾.

1) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, часть пятая, стр. 44—5.

2) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 132, 8 ноября 1818 г., сл. № 136, стр. 525—6 и 538.

3) „Въ молодости онъ былъ пріятелемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ, говоритъ о немъ Ксен. Полевой (Записки, стр. 98—9), писалъ довольно тяжело, но ѣдко, зло, и сталъ особенно извѣстенъ стихотвореніемъ: „Домъ сумасшедшихъ“, куда помѣстилъ онъ и друзей, и недруговъ своихъ, изобразивъ нѣкоторыхъ довольно смѣшно. Онъ написалъ также нѣсколько посланій, замѣчательныхъ рѣзкими личностями и современными портретами. Все остальное, писанное имъ, было ниже посредственности, но его общественныя связи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался родственникомъ поэта Жуковскаго, гораздо больше, нежели авторское дарованіе, помогли ему къ достиженію разныхъ цѣлей.... Чудное психологическое явленіе представлялъ этотъ человекъ!.... Безобразный до невѣроятности, съ искаженнымъ лицомъ, хромой, гугнявый, плохо образованный, онъ имѣлъ доступъ въ лучшія общества, умѣлъ добиваться всего, получать все, о чемъ и мечтать не могутъ люди съ обыкновенными средствами. Жуковскій, Ал. Тургеневъ, многіе другіе литераторы и покровители просвѣщенія, вельможи — дѣлали для Воейкова все, единственно изъ уваженія къ необыкновенной женщинѣ, кото-

Такой то человекъ впутался въ сердечную исторію Жуковскаго. За нимъ была литературная репутація, онъ интересовалъ разсказами о томъ, что видѣлъ недавно во время своего путешествія по югу Россіи; по разсказу Греча ¹⁾ онъ, промотавшійся дворянинъ (какъ называлъ его Милоновъ), будто бы явился къ Протасовымъ въ глубокомъ траурѣ съ плѣрезами и могильнымъ голосомъ объявилъ, что его братъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа, и самъ онъ осиротѣлъ: „У меня теперь 2000 душъ, а я — бѣднѣйшій человекъ въ мірѣ“. Эта непритворная, казалось, горестъ тронула, 2000 душъ также произвели свой эффектъ; слышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шопотомъ фразы: „дѣвушку пристроить“, „женится перемѣнится“, и Сашеньку за него отдали; 2000 душъ, разумѣется, не оказалось, потому что братъ Воейкова и не думалъ умирать.

Гречь относитъ эту сцену къ апрѣлю 1814 года, тогда какъ Воейковъ былъ объявленъ женихомъ 23 марта; можно не вѣрить подробностямъ разсказа, но что Воейковъ игралъ какую-то комедію, которую приняли за „чистыя деньги“ не смотря на то,

рая была его женою“. Ал. Тургеневъ такъ характеризовалъ его въ (неизданномъ) письмѣ къ Жуковскому 29 августа 1810 года: „Почти ежедневно вижу съ Воейковымъ и люблю его по прежнему, если не больше, ибо прежде почиталъ его склоннымъ къ разврату, а теперь, кажется, нравственность его очистилась. Въ немъ есть жаръ къ добру, который я люблю во всѣхъ, не только въ моихъ старинныхъ пріятеляхъ, есть талантъ, но мало вкуса и разборчивой критики. Свѣдѣнія его ограничиваются одной французской литературой: недостатокъ общій почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже и первостатейнымъ. Въ нѣмецкой поэзіи нашель бы онъ богатую руду для своего скромнаго таланта и пересталъ бы писать для двухъ послѣднихъ стиховъ длинныя посланія къ Мералякову, въ которыхъ нѣтъ ни новыхъ мыслей, ни новыхъ образовъ:

Что пчелѣ надобно?
Цвѣтъ и убѣжище.

Это хорошо, но вотъ и все; но этихъ двухъ стиховъ читатель совсѣмъ не ожидаетъ“. Другой недостатокъ Воейкова — это его „привязанность и уваженіе къ Шишкову, котораго онъ почитаетъ большимъ знатокомъ русскаго языка и тонкимъ критикомъ. Я по сю пору не могъ переувѣрить его, что онъ большой невѣжа въ славянской литературѣ, которая не ограничивается нашими церковными книгами, но которой богатства разсѣяны отъ Ледовитаго до Адриатическаго моря“.

1) Записки, стр. 478 слѣд.

что Ек. Ае. Протасову о Воейковѣ предупреждали, что у самой невѣсты явились подозрѣнія за нѣсколько дней до свадьбы, о томъ вспоминали впоследствии Мапа и Жуковский: онъ будто бы совѣтовалъ тогда не отказывать Воейкову, не приглядѣвшись къ нему, она надѣялась на него по тѣмъ же причинамъ, по которымъ надѣялся и Жуковский ¹⁾).

На этого-то „товарища и друга“ (сл. посланіе Жуковскаго къ Воейкову) положился Жуковский, и тотъ взялся помогать ему, но скоро понялъ, что можетъ обезпечить свое положеніе въ семьѣ, лишь ставъ на сторону Ек. Ае. Протасовой. И онъ втерся въ ея довѣренность, ведетъ двойную игру. Онъ любитъ, какъ человѣкъ положительный, надежный, тогда какъ Жуковский испаряется въ грезахъ: это должно было внушить довѣріе. „Хочешь видѣть жребій свой въ зеркалѣ, Свѣтлана!“ спрашивалъ въ 1813 году Жуковский, обращаясь къ Александрѣ Андреевнѣ; стихотвореніе было отвѣтомъ:

Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что сходна судьба твоя
Съ сей душой прекрасной!
Непорочность *спутникъ* твой
И веселость гений
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденій.

Ея жизненный путь безопасенъ, сердце будетъ „къ счастью предводитель“ („Свѣтланѣ“). Александрѣ Андреевнѣ (родилась въ 1795 г.) минуло 18 лѣтъ, когда въ іюль 1814 г. „Къ осьмнадцатилѣтнему младенцу“ Воейковъ позировалъ въ отеческую любовь, полную поученій: на это у него есть право:

Я опекунъ твой, старше вдвое....
И въ одномъ разрядѣ съ Тредьяковскимъ
Записанъ маклеромъ Жуковскимъ....
Одинъ любезный мнѣ поэтъ,

1) См. письмо М. А. Протасовой къ Жуковскому 6 декабря 1815 г. съ его примѣчаніями и письмо къ ней Жуковскаго отъ 25 декабря того же года.

Сказавъ въ одномъ стихотвореньѣ,
„Что ты прекрасное творенье,
И что веселость спутникъ твой“,
Мое предупредилъ лишь мнѣнье
Такой правдивою хвалою.

Но у нея одинъ большой недостатокъ: неосторожность и
незабота о здоровьѣ:

слабое сложенье
Имѣешь отъ природы ты,
И то не бредъ и не мечты,
А докторовъ Орловскихъ мнѣнье.

Между тѣмъ она скачетъ стремглавъ на арабскомъ конѣ,
рисуетъ до боли въ груди:

Вотъ вижу: съ слезною мольбою
Твой пѣснопѣвецъ, дядя, другъ,
Отецъ твой крестный предъ тобою,

совѣтуетъ побережь себя, а она не слушаетъ. Пусть не забудетъ и „чадолюбивой матери“, которая ею счастлива; счастлива тобою и опекунъ

Изъ злата жизнь сестры прядется
И все вокругъ тебя смѣется ¹⁾.

Жизнь Маши спрялась не изъ злата, да и судьба сестры не пошла въ уровень съ ея душой „прекрасной“. Жуковский обманулъ, какъ долго обманывался на счетъ Воейкова, но и у него могли являться сомнѣнія и его стихи, написанные въ альбомъ А. А. Протасовой проникнуты какой-то тихой грустью не только о своемъ минувшемъ, но о судьбѣ своей любимицы, стоявшей „у входа въ свѣтъ“.

Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны,
Дни чистые, когда все въ жизни такъ прекрасно,

1) См. Славянинъ, изд. Воейковымъ 1827 г., ч. IV, № L, отдѣленіе второе, стр. 432 слѣд.

Такъ живо близкое, далекое такъ ясно,
 Когда лелѣютъ насъ магическіе сны....
 Лѣта прошли — твои все спутники съ тобою;
 У входа въ свѣтъ съ живой и ждущею душою
 Ты въ ихъ кругу стоишь, прелестна, какъ они.
 А я, знакомецъ твой въ тѣ радостные дни,
 Я на тебя смотрю съ веселіемъ унылымъ;
 Тѣснишься въ сердце ты изображеньемъ милымъ
 Всего минувшаго, всего, чѣмъ жизнь была
 Такъ сладостно полна, такъ пламенно мила,
 Что вдохновеніемъ всю душу зажигало,
 Всего, что лучшаго въ ней было и пропало....
 О, упоеніе томительной мечты,
 Покинь меня! *Желать* — безжалостно ты учишь,
 Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
 Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь.

Еще до приѣзда къ Протасовымъ, Воейковъ обратился къ помощи своего стараго товарища, Тургенева: онъ искалъ мѣста. Въ Дерптѣ, за смертью убитаго при Ганау А. С. Кайсарова, открылась каеэдра, манила и каеэдра въ Казани. 25-го ноября 1813 г. Тургеневъ писалъ Воейкову и Жуковскому вмѣстѣ; оказывается, что уже въ письмѣ 8-го мая Воейковъ выразилъ Тургеневу предпочтеніе Казани передъ Дерптомъ — и Тургеневъ съ нимъ согласенъ: Казань ближе къ Азій, можетъ стать для Россіи центромъ восточныхъ изученій, „Дерптъ зараженъ къ тому-же политическимъ фанатизмомъ и члены сего сословія большею частью волки, которые все въ лѣсъ смотрятъ, не смотря на то, что русское правительство ихъ и кормить и грѣбеть. Незабвенный Андрей, какъ вѣрный сынъ Россіи, сражался съ ними безпрестанно, но пренія его обращались во вредъ его здоровью безъ всякой пользы pour la bonne cause“. Тургеневъ готовъ содѣйствовать Казанскому проэкту, если есть тамъ каеэдра. Онъ любитъ пріятелей и всегда о нихъ радѣеть; „грусть душевная, сердце наполненное однимъ чувствомъ, въ которомъ morta è la speme e vile la fede — вотъ истинная причина мнимой холодности къ пріятелямъ“, но стоитъ ихъ голосу отозваться въ его сердцѣ, и въ немъ окажется „огонь, дружбою хранимый“, который не погаснетъ — „развѣ съ жизнью; но и туда,

Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милыхъ!
(Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ).

О, Жуковскій, милый сердцу и обожаемый мною Жуковскій! Мысль о святомъ, всемогущемъ чувствѣ дружбы и любви неразлучна во мнѣ съ мыслию о немъ, равно, почти равно, какъ и о той,

Кто все для насъ!
(Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ).

Читалъ-ли ты его посланіе ко мнѣ? обращается Тургеневъ къ Воейкову. Какія мысли и какая дружба! Я возьму стихи его въ сѣнь безсмертныхъ и тамъ стану услаждать и утѣшать ихъ въ скукѣ безсмертія. Она же мнѣ дастъ право возсѣдать между Орестомъ и Пиладомъ, Мюллеромъ и Бонштеттенномъ, между двумя Андреями¹⁾ и съ ними ожидать васъ, друзья мои". — Тургеневъ спохватился, что по условію онъ долженъ былъ писать Воейкову на имя Жуковского, что, стало быть, Жуковскій будетъ читать его письмо, — и онъ обращается къ нему: „Слезы, которыя нѣсколько разъ проливалъ я при чтеніи посланія твоего, слезы восхищенія и благодарности за дружбу къ незабвеннымъ и ко мнѣ, лучше словъ выразить тебѣ все, что душа моя желала бы передать твоей. Я ожидалъ писемъ отъ тебя и стиховъ и письмо кн. Голицына и того, что ты долженъ сдѣлать въ память двухъ незабвенныхъ; иначе я вмѣсто надгробной надписи вырѣжу на ихъ памятникѣ твое посланіе ко мнѣ.... Ты обѣщалъ мнѣ писать о себѣ.... Скажи мнѣ свои мысли и открой мнѣ свою душу такъ, какъ и моя только передъ тобою открыта. Пиши, пиши ко мнѣ. Я читаю Тацита и Петрарка и Мюллера и люблю тебя, и вотъ весь я"²⁾.

31-го генваря Воейковъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ; „объ нашемъ обо всемъ узнаешь отъ Воейкова, который, вѣроятно, съ тобой увидится“, писалъ того-же дня Жуковскій Ал. Тургеневу³⁾. Покидая „гостепріимный кровъ“, Воейковъ обратился къ Ек. Ав. Протасовой съ посланіемъ, въ которомъ изобразилъ себя безпріютнымъ странникомъ, скитающимъ вдали отъ родныхъ и милыхъ и уже пріучившимся къ ударамъ судьбы, когда

1) Тургеневымъ и Кайсаровымъ.

2) Письмо это не издано.

3) Русская Старина 1901 г., апрѣль, стр. 129 слѣд.

внезапно она похитила у него „героя-друга“ (А. С. Кайсарова), а смерть во цвѣтѣ лѣтъ „любезнѣйшаго брата“. Тщетно искалъ онъ „утѣхи и подпоры“, и вотъ сердце привело его „къ обители твоей“,

Въ *Жуковскомъ* обнялъ я утраченныхъ друзей
И спутниковъ живыхъ, разсѣянныхъ судьбою;
Въ *немъ* былъ соединенъ весь міръ мой предо мною....
Я поспѣшалъ сюда въ объятія только брата,
И что-же? *Я нашелъ твой домъ семей родныхъ!*....
И быстро по цвѣтамъ сей мѣсяць пробѣжалъ,
Въ неизмѣримую пучину лѣтъ и вѣковъ!
И своенравный рокъ стезю мнѣ указалъ
Изъ міра ангеловъ въ міръ низкій человѣковъ.

Его судьба—„находить въ семь мірѣ—и терять“, но гдѣ бы онъ ни былъ, онъ сердцемъ будетъ съ ними, къ нимъ стремиться душой.

Дождуся-ли тебя, возврата день прекрасный?
И скоро-ль положу дорожный посохъ свой?....¹⁾

Въ отсутствіи Воейкова, Жуковскій принялся хлопотать о себѣ; убѣдился, что мнѣніе Лопухина можетъ повліять на рѣшеніе Протасовой, и отправляется къ нему. 12-е февраля былъ для него „день счастья и восхитительной надежды“, что онъ и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 22-мъ февраля. „Я ѣхалъ съ веселыми мыслями. Болѣе нежели когда нибудь, мнѣ весело было смотрѣть на ясное небо, которое было также прекрасно, какъ надежда, которою въ ту минуту украшалось мое будущее; *я не молился*, но чувствовалъ, что Богъ, скрытый за этимъ яснымъ небомъ меня видѣлъ, и это чувство было сильнѣе всякой молитвы. Я, право, съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію въ благодарность за то счастье, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой надеждѣ“. Онъ чувствовалъ, „что можно быть счастливымъ въ этой живой жизни“, что, раздѣливъ ее съ Машей, самъ онъ преобразится, усовершенствуется во всемъ добромъ. „Мнѣ представляется какъ будто

1) Посланіе напечатано въ Вѣстникѣ Европы за 1814 г., ч. LXXIV, мартъ № 5, стр. 33 слѣд.

сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ большую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастье было прочно и чисто!¹ Онъ благодаритъ Промыселъ за прежнія горести, если онѣ поведутъ „къ полной радости“; *вѣрить теперь для него необходимо*, „вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переношу счастье въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ“.

И. В. Лопухинъ благословилъ его, и Жуковскаго обуяло „какое то темное предчувствіе чего-то необыкновенно счастливаго“. Онъ мечтаетъ о тихой жизни, въ которой и Ек. Ав. Протасова получить свое мѣсто: она будетъ единственной ея свидѣтельницей и судьей; жизни дѣятельной, потому что она вся обратится на себя; чувства, не находившія исхода, получать свободу, исчезнетъ чувство одиночества, нестерпимаго „въ виду той семьи, гдѣ желалъ бы имѣть все и гдѣ всего лишенъ незаслуженнымъ подозрѣніемъ — и сверхъ всего этого *вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на однихъ словахъ и наружныхъ обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастье, ея необходимая подпора, истинная жизнь, чувство, до сихъ поръ мало мнѣ знакомое, убитое одиночествомъ и унылостью, залушненное непривязанностью къ жизни.... До сихъ поръ я часто замѣчалъ въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи — я ея никогда не отвергалъ, но она казалась мнѣ причиною всѣхъ утратъ моей жизни, и я неотдѣлялъ ея отъ того предразсудка, который лишалъ меня всего. Но суевѣріе не религія!“ Теперь онъ видитъ все въ иномъ свѣтѣ, и этимъ всеѣмъ обязанъ лишь Машѣ: она избрана Промысломъ, чтобы дать ему „способъ удостоиться гражданства въ Божьемъ градѣ“¹).*

1) Русск. Старина 1883 г., генварь, стр. 206 слѣд. Въ письмѣ къ Арбеневои и Свѣчиной 7 марта 1814 года, въ описаніи поѣздки къ Лопухину, Жуковскій пользовался записью своего дневника. Приведу нѣсколько фразъ въ соотвѣтствіи съ напечатаннымъ выше курсивомъ. „12 февраля, день, въ который я поѣхалъ къ Ивану Владимировичу,... былъ для меня однимъ изъ счастливейшихъ въ моей жизни. Неужели надежда, которая тогда наполнила мою душу, есть обманъ!... Я въ эту минуту живо и ясно чувствовалъ, что можно быть счастливымъ въ жизни... Я не молился,... но то, что было въ моей душѣ, была клятва, которую давалъ я Богу удостоиться того счастья, которое мнѣ въ этой надеждѣ изображалось.... Вдали, какъ будто сквозь тѣнь, представлялось мнѣ всеѣмъ но-

„Приѣзжай, приѣзжай; наши дѣла идутъ сильно къ развязкѣ“ пишетъ онъ Воейкову 13 фѣвраля, „ничто не испорчено, хотя и могло бы испортиться, струны только болѣе натянуты, или онѣ лопнутъ, или будетъ совершенная гармонія. При всей трусости, вѣрю болѣе послѣднему... Твои дѣла идутъ хорошо: говорятъ о тебѣ, какъ о своемъ, списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ“. О визитѣ къ Лопухину 12-го фѣвраля ни слова: онъ будетъ у него 15-го, но выраженія почти тѣ-же, что въ приведенномъ отрывкѣ дневника: „я вчера съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ясное свѣтлое небо, и благодарность къ Создателю этого неба и надежда наполнили мою душу. Я говорилъ Отцу, который скрывался за этимъ свѣтлымъ небомъ: „ты готовишь мнѣ счастье, Тебя достойное, и я клянусь сохранить его, какъ залогъ милости, и не унижиться, чтобы не потерять на него право“. Въ эту минуту жизнь и земля казались мнѣ иными. И я не могъ усидѣть въ кибиткѣ (я ѣхалъ въ Чернь); надобно было выйти и подышать на свободѣ. Какъ бы мы жили вмѣстѣ: согласіе во всемъ, одинакія занятія и стремленія къ одному не по пустой скучной дорогѣ, но вмѣстѣ съ вѣрными товарищами, которыхъ цѣль не особенная, но общая, и которые не могли бы желать дойти къ этой цѣли одни“. Онъ даже готовъ благодарить Создателя за несчастіе: „тѣмъ прочнѣе покупка, чѣмъ выше цѣна“; самъ онъ станетъ лучше; онъ живетъ надеждой, и только боится, что его ослѣпятъ всѣ радости, которыя ожидаютъ его: „семейственныя, дружба, дѣятельность, самая религія, — все для меня еще надежда“. Приѣзжай, „въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы“ и Владимиръ будетъ дописанъ 1):

Жуковскій зналъ о профессорскихъ планахъ Воейкова, но былъ въ полной увѣренности, что теперь они оставлены: Воейковъ влюбленъ, женится, онъ и ему нуженъ здѣсь—для

вое существованіе: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію... До этого времени, признаюсь, я замѣчалъ какую-то холодность къ религіи—предразсудки ея слишкомъ для меня были убійственны; но въ эту минуту, съ живою надеждою, оживилось во мнѣ и живѣйшее чувство ея необходимости“. У него явилось предчувствіе чего-то необыкновенно пріятнаго и, сверхъ всего, „вѣра живая, идущая изъ сердца вѣра, не на словахъ, не на обрядахъ основанная, но вѣра, радость души, ея счастье, ея необходимая подпора“ и т. д. (Русск. Архивъ 1883 г. кн. II, стр. 311 слѣд.).

1) Русск. Арх. 1900 г., № 9, стр. 17 слѣд.

общаго счастья; его поѣздку онъ объяснялъ необходимою устройть „нужныя дѣла“. Онъ хотѣлъ было запечатать письмо Воейкову, который ѣхалъ въ Петербургъ за кафедрой. „Вѣтренный осель! приписываетъ Жуковский, я тебя, право, не постигаю. Ты точно изъ ослинаго упрямаства лѣзешь на профессорскую кафедру. Ради Бога, скажи мнѣ, на что можетъ быть тебѣ нужно теперь твое профессорство? Ты не хотѣлъ бросать надежды на него единственно для того, что другая твоя надежда казалась тебѣ невѣрною, но она теперь вѣрна, а ты скачешь Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ за чѣмъ“. Отъ профессорства надо отказаться. „Сдѣлавшись профессоромъ, надобно быть профессоромъ, и быть имъ не недѣлю, а цѣлый годъ по крайней мѣрѣ, дабы послѣ имѣть неизреченное счастье быть оставленнымъ надворнымъ совѣтникомъ! А время? А жизнь-измѣнница? Все къ черту! Сдѣлай милость, желай рѣшительно и желай одного, и будь немного попонятнѣе — ты для меня загадка“. И въ Муратовѣ очень хмурятся на твой Дерптъ „и говорятъ: или Дерптъ, или Муратово“.

20-го февраля Жуковский сообщалъ Воейкову о свой поѣздкѣ къ Лопухину (12 февраля) и рисовалъ картину муратовскаго счастья. „Счастливецъ! Другому я сталъ бы завидовать, но ты поддѣвичевской: наше счастье общее. Худо бы ты меня зналъ, когда бы могъ подумать, чтобы твое не было мнѣ утѣшеніемъ даже и при уничтоженіи моего. Но мы будемъ счастливы... Сердце бьется, когда подумаю о той жизни, которую мы можемъ еще вести въ этомъ свѣтѣ: жизнь, обращенная на внутреннее наслажденіе собою, наслажденіе вѣрное, для другихъ невидимое, но тѣмъ болѣе драгоценное. Братъ, не смотря на твое буйное прошедшее, я увѣренъ, что ты способенъ чувствовать цѣну такой жизни“. Пока онъ только еще кандидатъ на счастливый чинъ и находится „въ Герольдіи Надежды въ спискѣ Терпѣнія“. Но ему мерещится, какъ они будутъ жить въ своемъ уголкѣ, вмѣстѣ трудиться, утверждать свое счастье, служа другъ другу опорой въ горѣ, а вдали кружокъ общихъ друзей: „Вяземскій, Батюшковъ, я, ты, Уваровъ, Плещеевъ, Тургеневъ должны быть подъ однимъ знаменемъ: простоты и здраваго вкуса“; съ ними Дашковъ. „Министрами просвѣщенія въ нашей республикѣ пусть будутъ Карамзинъ и Дмитріевъ и папою нашимъ Филаретъ“¹⁾.

1) Ibid. стр. 21 слѣд.

Поиски Воейкова за кеедрой, пока ему не по сердцу: Воейковъ нуженъ ему здѣсь, въ Муратовѣ.

Въ ночь съ 25 на 26 февраля передъ говѣньемъ Жуковский сводилъ счеты съ собою. „Говѣть не значитъ: ѣсть грибы, писать онъ въ дневникѣ, намекая на формальную религіозность Протасовой; въ извѣстные часы класть земные поклоны и тому подобное, это одинъ обрядъ, почтенный потому только, что онъ установленъ давно, но пустой совершенно, если имъ только и ограничится говѣніе.... Въ эти дни, болѣе нежели въ другіе, должно быть въ самомъ себѣ, обдумать прошедшую жизнь, разсматривать настоящее и мыслить о будущемъ, и все это въ присутствіи Бога, вотъ что есть постъ“. Размышленія о прошломъ повторяютъ печалованія юношескаго дневника 1805 г. „Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ, а то, что называется истинной жизнью, мнѣ еще не знакомо. Я не успѣлъ быть сыномъ своей матери— въ то время когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства ¹⁾, она меня оставила; я думалъ отдать ея права другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, и отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было, всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; не смотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной; сказать себѣ: дружбы нѣтъ—я не могъ рѣшительно, этому противилось мое сердце; сказать себѣ, что она есть, этому многое, слишкомъ многое противилось“. Къ этому присоединилась теперь любовь, которой ставятъ помѣхи; онъ не желалъ ни невозможнаго, ни недозволенаго, никто его не переувѣритъ; искалъ счастья „не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни— не будетъ его, не будетъ прочаго, не моя вина“. Онъ надѣялся купить себѣ счастье „покорностью и терпѣніемъ“, а за послѣдніе годы не помнить ни одного „дня истинно счастливаго“; питалъ надежду, что все можетъ перемѣниться, что настоящее замѣнится прекраснымъ будущимъ, но и эта мысль не помѣшала

1) Сл. дневникъ 22 ноября 1810 г. въ письмѣ къ Ал. Тургеневу 4 декабря того же года: „связи мои съ матушкою становятся для меня драгоценны“.

ему приобрести равнодушіе къ жизни, которое сдѣлалось главнымъ его чувствомъ: чувствомъ убійственнымъ для всякой дѣятельности. — Бесѣда съ Лопухинымъ была „воскресительной“ для его души: снова онъ увидѣлъ передъ собой возможность счастья, новой жизни. „Сердце у меня билось, когда я смотрѣлъ на чистое небо, и я мысленно давалъ клятву быть достойнымъ своею жизнью божества, обѣщающаго мнѣ такое счастье въ своемъ мірѣ: я чувствовалъ необходимость болѣе любить его, къ нему все относить, ибо въ немъ видѣлъ крѣпость своего счастья. Религія есть благодарность. Въ эту минуту твердая вѣра представлялась мнѣ ясно нужнѣйшею потребностью человѣческаго сердца,.... дѣятельность, мнѣ свойственная, самая религія—все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! Что иное можетъ мнѣ быть замѣною?.... Самъ бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ, тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты... Мои намѣренія достойны моего Творца и моя молитва къ нему: чтобы Онъ исполненіемъ ихъ далъ мнѣ единственный способъ Его удостоиться въ жизни, или чтобы скорѣе взялъ отъ меня обратно жизнь, совершенно безплодную. Вотъ вся моя исповѣдь“¹⁾.

Въ мартѣ Воейковъ объявленъ былъ женихомъ²⁾, дѣло о его профессурѣ въ Дерптѣ шло успѣшно, хотя Жуковский полонъ сомнѣній, и по тѣмъ-же соображеніямъ³⁾, а дѣло Жуковского не подвигалось: иные изъ его пособниковъ, на которыхъ онъ рассчитывалъ, пзмѣнили, какъ Арбенева, запуганная монахомъ, другіе играли въ двойную игру, какъ Воейковъ. II другъ Тургеневъ не знаетъ, что ему дѣлать „Ожидаю вашего *общаго* разрѣшенія о профессорствѣ Воейкова, писалъ онъ Жуковскому, вѣроятно, въ мартѣ 1814 года⁴⁾, и пока вы *оба, единогласно* на это не согласитесь, то я никакихъ *окончательныхъ* мѣръ принимать не буду... Желаю отъ всей души видѣть васъ счастливыхъ. Помните, что свободу на одно

1) Русская Старина 1883 г., № I, стр. 209—12.

2) См. приписку Воейкова къ письму Жуковского къ Тургеневу 16 апрѣля „въ 24-й день счастья, лѣто первое“.

3) См. письмо Жуковского къ Тургеневу середины марта 1814 г.

4) Тургеневъ посылаетъ Жуковскому „Бутервековы сочиненія въ стихахъ“. Жуковский отвѣчаетъ 16 апрѣля, что получилъ ихъ. Письмо Тургенева не издано.

только счастье промѣнять можно, несравненное и—рѣдкое. Любите меня, я въ вашей любви счастливъ буду столько, сколько можно быть счастливымъ одною дружбою, ибо въ любви по своему находилъ я одну мечту,

тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженья“.

(Изъ посланія къ Филалету 1808—9 года).

Дѣло о профессорствѣ зашло однако слишкомъ далеко, чтобы Воейкову можно было отказаться отъ каеедры. Такъ порѣшили на общемъ совѣтѣ Тургеневъ съ Кавелинымъ, о чемъ послѣдній и писалъ Воейкову 20 марта: „Зачѣмъ было поднимать небо и землю для достиженія къ профессорству мѣсяцъ тому назадъ, если оно перечить счастью?... Какъ могло въ такое короткое время надежнѣйшее средство обратиться въ препятствіе? Разсуждайте, взвѣшивайте, *рѣшайтесь* и поскорѣе *разрѣшите* насъ, только *разрѣшите рѣшительно*“.

Жуковский вскрылъ это письмо и приписываетъ: „И я приписываю къ тебѣ въ этомъ миломъ письмѣ, другъ, братъ, товарищъ. Дѣло наше не испорчено, профессорство тебѣ остается. И такъ не сердись на меня. Ты самъ виноватъ, что мнѣ не открылъ надлежащей причины, для чего этого мѣста желаешь“. Онъ извиняется, что прочиталъ письмо Кавелина, думая найти въ немъ что-нибудь его касающееся. „Твой Жуковский. И дай Богъ, чтобы всегда остался твоимъ — это слово все для меня заключаетъ въ себѣ“¹⁾.

Пусть вспомнить о немъ въ день счастья, писалъ Тургеневъ Жуковскому: *Nei giorni tuoi felici ricordati di me*²⁾; Жуковский отвѣтилъ на это письмомъ отъ 26 марта 1814 года и стихами, назначенными для Тургенева—и для *ней*:

Въ день счастья вспомнить о тебѣ!
На что такое, другъ, желанье?
На что намъ поручать судьбѣ
Священное воспоминанье?
Когда бъ любовь къ тебѣ моя
Моимъ лишь счастьемъ измѣрялась

1) Русский Архивъ 1900 г. № 9, стр. 28—29.

2) Письмо это мнѣ неизвѣстно.

И имъ лишь въ сердце оживлялась,
Сколь бѣденъ ею былъ бы я!

Другое воспоминаніе для него вѣчно: что въ дни печали другъ его всегда съ нимъ, что и любовь его не измѣнится.

Дождусь или нѣтъ *счастливыхъ дней*,
О томъ, мой милый братъ, ни слова!
Какимъ бы я ни шелъ путемъ —
Все ты мнѣ гениемъ-вождемъ!
Со мной до камня гробовова
Не измѣняясь, другъ, иди!
Одна мольба: не упреди!

Стихи Жуковского заставили Тургенева забыть свой флюкъ и мигрень: „въ самый тотъ день, когда ты просишь меня *не упредить тебя*, я читалъ стихъ Бутервека: Euch in diesem Thal zu überleben, думалъ о тебѣ и почти объ одномъ тебѣ и о братьяхъ“. Ихъ сердца бьются въ одинъ ладъ; онъ готовъ пожертвовать своимъ собственнымъ благополучіемъ для благополучія друга ¹⁾.

Въ апрѣлѣ Жуковскій узналъ стороною, что свадьба Воейкова, уже получившаго кафедру, назначена въ іюлѣ и послѣ свадьбы всѣ поѣдутъ въ Дерптъ, поѣдетъ и Маша. „Я поглядѣлъ на своего спутника, больную, одержимую подагрой *надежду*, которая, скрѣпя сердце, тащится за мною на костыляхъ и часто отстаетъ. — Что скажешь, товарищъ? — Что сказать? Намъ недолго таскаться вмѣстѣ по бѣлу свѣту. Послѣ 2-го іюля, что бы то ни было, мы разстанемся. Или пошлю тебя одного, и бреди, какъ хочешь, или оставлю тебѣ твою сестрицу, *исполненіе*. Съ ней дурной человекъ становится хуже, а добрый гораздо добрѣе. Она приготовитъ тебя къ тому обѣтованному краю (Жуковскому вспомнились здѣсь стихи Андрея Тургенева),

Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждъ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой.

А если останусь одинъ? — Тогда готовься, какъ умѣешь самъ, къ переселенію въ этотъ край но едва-ли удастся получить пропускной билетъ,

1) Письмо 17 апрѣля 1814 года, неизд.

Развѣ чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесь? ¹⁾.

Но ждать чуда? Кто его дождется? — И я то-же думаю.— Что-же дѣлать?— Не знаю, а для меня вѣрно только то, что мы разстанемся“.

У Протасовыхъ Жуковского встрѣтили намѣренно холодно. „Терпи, шепчетъ ему на ухо пріятель Плещеевъ, тебя будутъ любить, когда получишь свободу быть тѣмъ, какимъ быть хочешь и можешь. И сердце скрѣпилось, но было-ли оно довольно такъ, какъ бываетъ довольнымъ у человѣка, возвратившагося въ тотъ кругъ, гдѣ его счастье, гдѣ его настоящая жизнь?“ За Воейковымъ, у котораго разболѣлась голова, ухаживаютъ, а на него поглядываютъ „съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ—въ самомъ дѣлѣ торжество и радость! Я посматривалъ изъ подлобья, не найду ли гдѣ въ углу христіанской любви, внушающей сожалѣніе, пощаду, кротость. Нѣтъ! Одно холодное *жестокосердіе* въ монашеской рясѣ съ кровавою надписью на лбу: *должность* (выправленною весьма неискусно изъ слова: *суевѣріе*) сидѣло противъ меня и страшно сверкало на меня глазами“ ²⁾.

Остаться-ли ему? Ѣхать-ли съ другими въ Дерптъ? Но Протасова не дастъ разрѣшенія, пишетъ онъ Кирѣевской ³⁾; рѣшительнаго объясненія у него еще не было, хотя онъ нѣсколько разъ писалъ ей ⁴⁾, но онъ приготовилъ для нея какое-то письмо, которое передастъ непременно, когда будетъ надобно ⁵⁾. Воейковъ просилъ, чтобы ему разрѣшили явиться въ Дерптъ къ сентябрю, чтобы успѣть „привести въ порядокъ и свое и мое“, и Жуковский подтверждаетъ его просьбу ⁶⁾.

1) Изъ „Желанія“ Шиллера: „Намъ лишь чудо“.

2) Къ Кирѣевской 16 апрѣля 1814 г. Какъ это письмо, такъ и слѣдующія, обращенныя къ роднымъ и приводимыя безъ указанія на источникъ, взяты изъ собранія писемъ Жуковского, изданнаго Зейдлицомъ и проф. Висковатовымъ въ Русской Старинѣ 1883 г.

3) То-же письмо.

4) Сл. письмо къ Тургеневу 1 февраля 1815 года.

5) То-же въ письмѣ къ Арбеновой 2 марта 1814 г. Русск. Арх. 1883 г., II, стр. 310.

6) Къ Тургеневу 16 апрѣля; сл. приписку Жуковского къ письму Воейкова къ Кавелину 23 апрѣля 1814 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 29—30.

Объясненіе съ Протасовой произошло въ апрѣлѣ. Жуковский возобновилъ просьбу о бракѣ. „Она (Протасова), сказала мнѣ, что ей невозможно согласиться, потому что она видитъ тутъ незаконіе“ писалъ Жуковский Тургеневу 5 мая 1814 года. Я отвѣчалъ ей, что ничего подобнаго тутъ не вижу, что я не родня ей, потому что законъ, опредѣляющій родство, не далъ мнѣ имени ея брата.... Я прибавилъ, что увѣренъ въ нашемъ счастіи, если бы она на него согласилась, но что готовъ отъ всего отказаться, если мое счастіе не сдѣлаетъ ея счастіа или его разрушитъ. Теперь она со стороны моихъ намѣреній покойна, увѣрена въ моей готовности ей собой пожертвовать. Но еще не все пропало“. И онъ придумываетъ новыя вліянія на Протасову: Лопухинъ будетъ ей писать, Воейковъ еще не объяснялся съ ней, теперь онъ уѣхалъ, но послѣ свадьбы, назначенной 2-го іюля, „начнетъ говорить“. Жуковский хотѣлъ бы привлечь къ дѣлу и Орловскаго архіерея Досіея, если согласятся отдаться на его судъ — и онъ проситъ Тургенева немедленно написать Досіею (другу И. П. Тургенева и Лопухина)¹⁾: „болѣе всего въ письмѣ своемъ утверждай, что между нами родства нѣтъ. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ это родство: я сынъ ея отца. Скажи въ своемъ письмѣ, что ищешь его покровительства, еще не зная, будутъ ли ему объ насъ говорить, но что хочешь только предупредить его въ нашу пользу“. Но дѣло не въ томъ, чтобы вырвать у Протасовой согласіе: „въ добрую минуту она и можетъ согласиться. Но какое же выйдетъ слѣдствіе? Разстройство общаго спокойствія. Счастіа, на такомъ хиломъ фундаментѣ основаннаго, желать не могу. Надобно убѣдить и разрушить предразсудокъ. Если ничто не удастся, то надобно будетъ отсюда бѣжать, и все, все для меня перемѣнится. На что рѣшусь, еще не знаю“.

Петербургская и Московская жизнь его пугаютъ, теперь ему нужно „совершенное уединеніе“, чтобы онъ былъ покоенъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ и перо его не покинуло. „Ты велишь мнѣ писать. Нѣтъ, другъ! Теперь перо мое какъ будто въ параличѣ, и въ воображеніи моемъ большая засуха. Смотрю на всѣ прекрасныя свои планы, какъ на развалины. Одно только счастіе или совершенное уединеніе могутъ на этихъ

1) Сл. неизданное письмо Ал. Тургенева къ Жуковскому 19 ноября 1814 г.

планахъ что-нибудь построить“. И онъ снова цѣпляется за судьбу Воейкова—и покровительство Тургенева: надо устроить такъ, чтобы Воейкову дали изъ Дерпта отерочку до 1-го сентября: „въ теченіи августа онъ долженъ привести въ порядокъ свои и мои дѣла“; надо избавить его и отъ обязательства прослужить въ Дерптѣ шесть лѣтъ; для него „такое обязательство крайне невыгодно; прибавлю: и для меня. Но мое должно рѣшиться прежде, и во всякомъ случаѣ это профессорство много мнѣ вреда сдѣлаетъ. Но объ этомъ нечего и говорить. Для меня вѣрное на семь свѣтѣ одно: твоя дружба и ея любовь. Прочее оставимъ Провидѣнію“ ¹⁾).

„Ты велишь мнѣ писать, повторяетъ онъ въ другомъ письмѣ (второй половины мая). Другъ безцѣнный, душа воспламеняется при всемъ великомъ, что происходитъ у насъ передъ глазами. Сердце жметъ отъ восторга при воспоминаніи о нашемъ Государѣ и той божественной роли, которую онъ играетъ теперь въ виду цѣлаго свѣта. Никогда Россія не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величіе! Но какъ нарочно теперь и засуха въ воображеніи. Мысли пробуждаются въ головѣ, но, взявшись за перо, чувствую, что въ немъ парализъ“. И не смотря на это, онъ подумываетъ иногда о посланіи къ „нашему Марку Аврелію. Какой прелестный характеръ! И какія страницы для исторіи 1814 годъ приготовилъ! О милая Русь! Какъ возвышается душа при имени русскаго! И какъ не обожать того, кто насъ такъ возвеличилъ! Братъ, братъ!

1) О полученіи этого письма Тургеневъ извѣстилъ пріятеля 19 ноября, сообщая ему о своихъ хлопотахъ по его дѣлу (писалъ Доспеев); еслибъ оно затянулось, то пусть пріѣдетъ въ Петербургъ, либо „къ намъ, на Волгу; поселись въ обители отцовъ нашихъ, я скоро буду съ тобою.... Воейкову отпуска не нужно, университетъ будетъ увѣдомленъ, что онъ пріѣдетъ къ началу слѣдующаго курса, а не прежде. Шестилѣтній срокъ, будучи незаконнымъ, не долженъ страшить его.... Боже мой, Боже мой! какъ бы я былъ счастливъ, если бы я могъ содѣйствовать къ совершенію твоего счастья! Тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что мнѣ не останется никакого другого утѣшенія въ жизни, какъ жить въ памяти милыхъ ближнихъ и забыть то, что миновало меня.

Und wer den besten seiner Zeit genug gethan,
Der hat gelebt fur alle Zeiten.

Если Воейковъ уже возвратился, то обнимаю его и желаю ему быть скоро—безъ желанія и надежды“. — Стихи изъ пролога въ Шиллерову Валленштейну; Ал. Тургеневъ любилъ ихъ повторять. Сл. выше стр. 92, прим. 1.

Если бы счастье, что бы я написал! Но как же велѣтъ душѣ летать, когда она вязнетъ въ тинѣ? Поэзія есть счастье, то есть типина души, надежда въ будущемъ, наслажденіе въ настоящемъ. Какъ имѣть стихотворныя мысли, когда все это погибло? ... Я сказалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что профессорство Воейкова мнѣ повредить. Нѣтъ, это вздоръ! И самъ не понимаю, почему это сказалъ. Смотри, и ты не вооружись противъ профессорства. Если кто можетъ мнѣ сдѣлать добро, такъ конечно Воейковъ“.

О своемъ объясненіи съ Протасовой писалъ Жуковский 5-го-же мая и Кирѣевской. Оказывается, Маша все сказала матери „и прибавила то же, что я, то есть, что спокойствію ея готова жертвовать своимъ собственнымъ“. Результатомъ объясненія было то, что Жуковского обязали не показываться въ Муратовѣ до приѣзда Воейкова, и онъ принужденъ скитаться цѣлый мѣсяцъ. Въ половинѣ іюня приѣдетъ Воейковъ, „онъ намъ поможетъ“, а пока его подагрикъ — надежда крѣпко охаетъ.... Что, если суждено положить его въ гробъ? „Ничего пустѣе и гнилѣе не представить той жизни, которую онъ мнѣ послѣ себя оставитъ. А вы еще утѣшаете меня вѣчностью. О, вѣчность — прекрасная бездна, да только бы поскорѣ.... Поэзія! Но поэзія и счастье одно и то-же! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсѣять себя усталостью, но писать стихи—для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслію сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни“.

Письма 5-го мая, какъ и слѣдующія, майскія и іюньскія, къ Тургеневу и Кирѣевской писаны изъ Черни. Любовь ищетъ опоры въ самоотреченіи — это тоже любовь: отреченіе отъ личнаго счастья, чтобы оберечь счастье семьи, спокойствіе Маши; отреченіе отъ счастья, еслибъ на него согласились только формально, не по убѣжденію и не добровольно. „Развѣ мы съ Машей не на одной землѣ и не подъ однимъ отеческимъ правленіемъ? утѣшаетъ онъ себя въ письмѣ къ Кирѣевской (конца мая или начала іюня 1814 г.). Развѣ не можетъ другъ для друга жить и имѣть всегда въ виду другъ друга? Одинъ домъ—одинъ свѣтъ, одна кровля — одно небо не все ли равно? А будущее все еще наше“!

Въ іюнѣ Тургеневъ и Вяземскій списались о Жуковскомъ.

Тургеневъ получилъ его посланіе къ себѣ („Въ день счастья“). „Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнаютъ тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта.... Жуковский est aussi dans le vague. Онъ собирается говорить со мной и совѣтоваться, и ничего не дѣлаетъ кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ, наконецъ, голосъ дружбы, призывающей его къ берегамъ Невы?“ (іюня 1814 г. кн. Вяземскому) ¹⁾. „Нашъ Жуковский погибаетъ, и я едва не плачу съ досады, отвѣчалъ князь Вяземскій (15 іюня); образумится-ли онъ когда-нибудь, заживетъ-ли такъ, какъ и разсудокъ, и все, и всѣ велятъ ему жить? Я ожидаю его къ себѣ“ ²⁾.

Получивъ письмо кн. Вяземскаго, приунылъ и Тургеневъ, хотя его и подбодрилъ нѣсколько отвѣтъ Досиѣея на запросъ, обращенный къ нему по дѣлу Жуковскаго. Досиѣей писалъ уклончиво, не рѣшая дѣла по существу: „мать невѣсты *мнитъ, якобы* (Жуковский сынъ ея отца)... Да избавитъ меня Господь дѣло рѣшить на одномъ *якобы*“ ³⁾.

Въ Муратово Жуковский вернулся, вѣроятно къ приѣзду туда Воейкова, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ Малшѣ 21 іюня.

Передъ нами тетрадка въ 16-ю долю листа, въ обложкѣ изъ синей бумаги: образчикъ тѣхъ писемъ-дневниковъ, который вели Маша и Жуковский для себя и другъ для друга, обмѣниваясь ими, когда жили порой подъ одной кровлей, потому что иначе побесѣдовать не удавалось ⁴⁾. Тетрадка, надписанная „іюнь“, начинается стихотвореніемъ:

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь прости съ мной!

1) Русскій Архивъ 1866 г. № 6, стр. 880.

2) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 17, 15-го іюня 1814 г.

3) Ал. Тургеневъ Жуковскому 26 іюня 1814 г. (неизд.).

4) Какъ іюньскій дневникъ 1814 года, такъ и слѣдующіе за іюль и сентябрь того-же года и за апрѣль 1815-го, доставлены были мнѣ А. О. Онѣгинимъ и будутъ напечатаны въ изданіяхъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ. Пользуюсь ими здѣсь съ разрѣшенія владѣльца.

Источникъ великаго,
И вѣры, и радости,
И въ сердцѣ невинности,
Мнѣ силу и мужество
И твердость дающая,
Мой ангелъ-сопутница
И въ жизни, и въ вѣчности!

„21-го іюня, понедѣльникъ. Я возвращаю тебѣ *май* (т. е. бѣлую тетрадку для веденія дневника) пустой совершенно. Что было въ него записывать? Нужно-ли было выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ея недостойно. Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости—и вотъ все. Можно-ли было объ этомъ писать? Рука не могла взяться за перо. Словомъ, земная жизнь была смерть заживо“. У него являлось желаніе умереть; но какъ заплатить Машѣ за всѣ тѣ чувства, которыя она въ немъ поселила, „преврѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостью, отчаяніемъ“? Нѣтъ, онъ долженъ любить ее „иначе“, долженъ жить для нея. „Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высоту жизни, посвященной добру и тебѣ. Не знаю, какъ пробудилось во мнѣ это чувство, но это сдѣлалось вдругъ“. По началу его письма къ Марьѣ Николаевнѣ (Свѣчпной), которое Маша читала, она могла судить, что расположеніе его духа было другое, „и мысли и чувства были черныя. Вдругъ какъ будто свѣтъ озарилъ мое сердце и взглядъ на жизнь совсѣмъ перемѣнился“.— Жуковский остановился на этомъ мѣстѣ письма, чтобы пойти въ залу искать платка; Маша подала ему — изломанное кольцо. „Какой прекрасный знакъ! Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною*. Возьми *мое*. Пускай оно означаетъ совершенную перемѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, совершеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь, она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастья, добра, надежды, религіи и наконецъ получить награду отъ Того, Кто будетъ видѣть жизнь мою, Кто соединитъ насъ и освятитъ нашъ союзъ. Въ знакъ *того-же* дай и твое мнѣ кольцо *отъ себя*: обручмся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ если не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для *одного*“. Будь имъ полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія

самую чистую привязанность, они были-бы счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастье непорочнымъ. „Но ожидать такой довѣренности невозможно. Захочешь-ли, чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастья, завидовалъ тѣмъ, кто пользуется безцѣннымъ правомъ дѣлить все съ тобою?“ Онъ много выстрадалъ въ послѣдній мѣсяцъ разлуки, но Маша стала ему „еще милѣе, еще святѣе и необходимѣе прежняго“, безъ ободрительнаго воспоминанія о ней онъ ничто; она его убѣжище; какъ могла она сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: „я даже желала бы, чтобы ты меня любилъ меньше?“ Въ его любви — все для него: его сила и дѣятельность въ настоящемъ, прекрасное въ будущемъ; съ ея любовью онъ можетъ воображать вѣчность, она дастъ ему примѣръ религiи; съ нею онъ богатъ. Лишь бы *твердая въра другъ съ друга*, продолжаетъ онъ, ссылаясь на свое письмо къ Марьѣ Николаевнѣ: Провидѣнiе указало имъ прекрасную цѣль, но счастье надо заслужить — испытанiемъ. „Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился, я нѣсколько поколебался въ этихъ мысляхъ. Видя тебя снова, чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мнѣ душу, вижу одно только то счастье, котораго я лишенъ — и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминанiе о тебѣ — какая разница! Но я не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ — пускай оно меня мучитъ! Теперь послѣднее время — оно безцѣнно при всѣхъ страданiяхъ. Но даю тебѣ слово, что убiйственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится.... Прошу отъ тебя только одного: будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности.... Я сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣренiи буду у себя спрашивать: *достойны-ли они моей Маши? Можно-ли ей ихъ открыть? Будетъ-ли и должна-ли она въ нихъ участвовать?* Милой ангелъ, развѣ этого не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ“. Онъ говоритъ ей о своемъ планѣ жизни: онъ будетъ читать — собирать хорошия мысли и чувства; писать для славы и пользы, дѣлать все то добро, которое будетъ въ его власти. Слава получила теперь для него какую-то необыкновенную прелесть: она будетъ слышать о немъ, честь его имени, „куп-

ленная цѣною чистоты“, будетъ принадлежать ей. Эта надежда его радуеть; пока онъ слишкомъ мало сдѣлалъ добра, теперь у него много причинъ сдѣлаться добрѣе, и всякое доброе дѣло будетъ новою связью съ Машей. „О, если бы только это не осталось однимъ намѣреніемъ! Боюсь своей лѣни... но ты со мною“, и онъ просить ее благословить его на такую жизнь. Онъ будетъ жить въ Мишенскомъ, Долбинѣ, Черни, будетъ заглядывать въ Москву; уединеніе для него лѣкарство, разсѣяніе не только не нужно, но и вредно: отъ чего разсѣваться? Неужели желать забыть все ему милое, все лучшее?—Но „какое горькое сиротство въ этомъ словѣ: *быть розно съ тобою!*“ Да развѣ онъ думаетъ о своемъ счастьѣ? Онъ будетъ жить для ея счастья, для него думать, чувствовать, дѣлать, писать. „О если-бы только имѣть довольно твердости! Но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни“.

Маша совѣтовала ему перебраться въ Петербургъ, искать службы; но Петербургская жизнь не совмѣстна съ занятіями, служба съ свободой. Правда, Петербургъ ихъ сблизить, — но не соединить; быть у нихъ гостемъ, „увидѣться для того, чтобы разстаться — какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами — какъ это тяжело!“ Если-бъ это привело „къ чему-нибудь счастливому“ — но на это надѣяться нечего. „Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда пустая: онъ не имѣетъ довольно постоянства, чтобы держаться одной и той-же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ, но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ, и онъ слишкомъ перемѣнчивъ для приведенія чего-либо къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній тонъ его со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ такъ часто о *нашей жизни вмѣстѣ*; теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. *P s'est trop vite résigné pour moi.* Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ будто не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ не долго. Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить Тому, Кто не обманываетъ, не перемѣняется. О, мой милый другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее — и въ этомъ все мое“. Пусть она занимается собою, бережетъ свое здоровье, читаетъ то, что питаетъ душу; „планъ чтенія у тебя есть“; „я желалъ бы, что-бы ты не бросала и своихъ *feuilles volantes*. Записывай дни свои, мысли и то, что хорошаго

замѣтишь въ книгахъ. Я то-же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда-нибудь развѣняемся“. Екатеринбургъ Аеанасьевнѣ онъ будетъ писать, но лишь тогда, когда съ ней разстанется. „Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унижительное — это надо ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она со мной ласкова. Я этого не приму за дружбу, и вѣра къ ея ласкѣ совсѣмъ исчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать, и это для меня свято. Почтеніе, нежданіе ничего и терпѣніе — вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружная связь будетъ сохранена“.

Прилагая не заполненную тетрадку майскаго дневника, Жуковскій проситъ Машу вписать въ нее это письмо и прибавить свой отвѣтъ. „Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то, что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя“. Вся его жизнь будетъ посвящена исполненію „этихъ добрыхъ намѣреній или (чтобы кончить одной чертою) любви къ тебѣ“. Онъ чувствуетъ за себя и за нее высокую твердость, которая говоритъ ему: *„вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребятъ того, что вы имѣете. А лучшее впереди. Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ, и вы въ любви его неразлучны. Нѣкогда будете сами это чувствовать, а теперь только вѣрьте и будьте выше своего жребія“*.

Дневникъ кончается выборкою изъ VII-й пѣсни Виландова Оберона. Нуон и Rezia-Amanda преступили завѣтъ Оберона — жить другъ съ другомъ, какъ братъ и сестра, пока папа Сильвестръ не освятитъ въ Римѣ ихъ союзъ; въ наказаніе за это буря выбросила ихъ на необитаемый островъ, гдѣ они терпятъ холодъ и голодъ — и Реція-Аманда утѣшаетъ милаго. Въ слѣдующихъ выборкахъ утѣшителемъ выступаетъ Жуковскій, ввиду этого выпущены два стиха подлинника; испытанія влюбленныхъ представляются какъ бы въ христіанскомъ освѣщеніи, и Жуковскій выписываетъ Ег съ большой буквой, когда въ текстѣ дѣло идетъ объ — Оберонѣ.

72 Lass mich ¹⁾

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hören! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, der, was uns drücket,
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet vaterlich!

.....
75 Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Lässt uns dem Elend nicht zum Raube;
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So lass uns fest an diesen Glauben halten,
Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten!

76 Doch lass das Ärgste sein! Sie ziehe ganz sich ab,
Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
Lass sein, dass Jahr um Jahr sich ohne Hülff' erneue,
.....
Fern sei es dass mich je was ich gethan gereue! ²⁾
Und läge noch die freie Wahl vor mir,
Mit frohem Muth ins Elend folgt' ich dir!

77 Mir kostet's nichts von Allem mich zu scheiden,
Was ich besass; mein Herz und deine Lieb' ersetzt
Mir Alles; und so tief das Glück herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden,
Die sich durch Gold und Purpur glücklich schätzt.
Nur, dass du leidest, ist mein wahres Leiden!
Ein trüber Blick, ein Ach, dass dir entfährt,
Ist was mir tausendfach die eigne Noth erschwert.

78 Sprich nicht von dem, was ich für dich gegeben,
Für dich gethan! Ich that, was mir mein Herz gebot,
That's, für mich selbst, der zehenfacher Tod
Nicht bitterer ist, als ohne dich zu leben.

1) У Виланда VII, 72: Lass, spricht sie, Hton, mich.

2) У Виланда VII, 76:

Lass sein, dass Jahr um Jahr sich ohne Hülff'erneue,
Und deine lebende getreue

Amande finde hier auf diesem Strand ihr Grab:

Fern sei es и т. д.

Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe mir,
Hilft meine Liebe dir ertragen;
So schwer es sei, so unerträglich — hier
Ist meine Hand! — ich will's mit Freuden tragen.

Слѣдующая тетрадка дневника, надписанная іюлемъ, ведетъ непосредственно далѣе. Въ заголовкѣ третья строфа „Пѣсни“ (подражанія нѣмецкой), которую 1-е и 2-е изданіе Сочиненій Жуковскаго отнесли къ 1811 году, 5-е къ 1813-му ¹⁾. Третья строфа начинается стихомъ: „Мой милый другъ, намъ рокъ велитъ разлуку“; припѣвъ проходящій черезъ всю пѣсню: „Меня, мой другъ, не позабудь“!

Первая помѣтка 28 іюля: „Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17-ти верстахъ отъ Орла, тамъ, гдѣ вы ночевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сижу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милый другъ, и воображалъ тебя. Хозяйка мнѣ рассказывала объ *васъ*, и я увѣрилъ ее, что я — женихъ, но что невѣста моя не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у ней останавливалась.... Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милый, въ послѣдніе дни — можетъ-ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ-бы я ни былъ, грусть, болѣе или менѣе, будетъ въ моемъ сердцѣ — она будетъ его обыкновеннымъ состояніемъ... Вчера, подѣзжая къ Мценску, я смотрѣлъ на рощу, которая растетъ близъ дороги; погода была тихая и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этой пріятностью соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда что-нибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже) съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая. Теперь при каждомъ такомъ впечатлѣніи недостаетъ веселой надежды, и сердце стѣсняется“. Будущаго, какое снилось, ждать нечего; надо „ограничить себя настоящимъ“, — и Жуковскій приводитъ первый стихъ своего стихотворенія „Къ самому себѣ“:

Будь настоящее твой утѣшительный геній ²⁾,

точно хочеть утвердить себя въ этомъ взглядѣ, но самъ за-

1) Сл. выше стр. 126.

2) Сл. выше стр. 135.

мѣчаетъ, что „все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску“; самая мысль для него не ясна, одно только „темное намѣреніе“; въ немъ самомъ два человѣка: *вседневный*, „то есть, по привычкѣ, не дѣятельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками, другой — *совершенный*, то есть въ пныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія“. Надо этого совершеннаго человѣка сдѣлать вседневымъ. „Кстати или не кстати“ ему пришла мысль объ „удовольствіи“: такого удовольствія, которое плѣняетъ насъ одну минуту и исчезаетъ безъ слѣда, искать не стоитъ, одно лишь „*удовольствіе съ воспоминаніемъ*“ есть прямая принадлежность души человѣческой“, „только такія удовольствія могутъ *слитися съ счастьемъ*; но для этого они должны быть *добрыя*“.

Все это писано было у дверей постоялаго двора въ деревнѣ Сорочьи Кусты; въ Разбѣгаевкѣ онъ не остановился, но видѣлъ тамъ дворъ, гдѣ ночевала Маша съ матерью. „Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика, хозяйскіе дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянку, за которую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торговались, и смиреніе, когда торгъ не состоялся“. Но онъ ихъ утѣшилъ, купивъ землянку и раздѣливъ ее между ними. „Вотъ еще мысль“, продолжаетъ онъ послѣ этой жанровой картинки: самая вѣрная дорога — прямая, хорошая цѣль достигается лишь хорошими средствами; такъ и счастье: какъ его сохранить, когда оно приобрѣтено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно, мы сдѣлались неспособными пользоваться имъ? „Важность не *въ присутствіи счастья*, а въ томъ, чтобы *мы* могли выдержать его присутствіе“.

29 іюня, Губкино. „Лежу въ сараѣ, въ саняхъ на сѣнѣ. Читаю Виландова Diogenes von Sinope и часто прерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу — даже и срисовалъ его“. — Слѣдуетъ длинное разсужденіе о предвѣдѣніи, предопредѣленіи, Провидѣніи; онъ писалъ объ этихъ вопросахъ Лопухину, но письма съ нимъ нѣтъ, а Маша хотѣла знать его мысли на этотъ счетъ, и онъ развиваетъ ихъ и сводитъ къ своему личному положенію: Провидѣніе „располагаетъ случаями жизни, располагаетъ ихъ къ лучшему и человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ

свыше приобрести *лучшее*. Надобно только вѣрить. Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ Провидѣнье?
 Лишь вѣстники, что смотреть съ высоты
 На насъ святой, незримый испытатель!
 Лишь сердцу гласъ: Крѣпись! Минутный ты
 Жилецъ земли! Есть Богъ — и ждетъ Создатель
 Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
 Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ“...—

5-го іюля Жуковскій писалъ изъ Орла, 9-го изъ деревни Котовки. Онъ былъ въ семьѣ Павла Ивановича Протасова, покойный братъ котораго былъ женатъ на Екатеринѣ Аванасьевнѣ, и узналъ, что Маша хворала — и не писала ему о томъ. „Ты опять больна и опять начинаешь скрывать! Ты только хочешь носить маску любви ко мнѣ — не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда нѣтъ никакой заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю, и ни мало не думаешь оправдывать моей вѣры! Правда, меня съ тобой не будетъ — и я не буду видѣть!“ Павелъ Ивановичъ способенъ принять сильное участіе въ *ихъ* дѣлѣ, но онъ безволенъ, въ рукахъ жены; сочувствуетъ имъ и его сынъ, Александръ Павловичъ, совѣтуетъ воздѣйствовать на „мнѣніе“ Екатерины Аванасьевны, надѣется на Досіею и Лопухина; онъ и самъ на это надѣялся, ждалъ всего „отъ ея сожалѣнія, отъ желанія сдѣлать наше счастье. Но ихъ нѣтъ! Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это *тебѣ* нужно, что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому не вѣрили. Наше несчастіе для нея не существуетъ. Иначе могла-ли она имѣть духъ съ такою холодностью, съ такимъ пренебреженіемъ шутить на счетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною, а насъ какими-то романическими героями и тому подобнымъ?“ — Александръ Павловичъ предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ за границу: путешествіе не отниметъ у него его лучшей драгоценности, любви къ Машѣ; и онъ не прочь отъ этой мысли, которая въ другое время ужаснула бы его, „но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться, и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣздки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть

у васъ только *терпимымъ*?" Тяжелый опытъ послѣдняго мѣсяца доказалъ ему, какое благо для него любовь къ Машѣ, но отъ маменьки онъ не хочетъ принять никакихъ благодѣяній. „Она не должна думать, чтобы чѣмъ-нибудь могла заплатить мнѣ за эту дружбу, которую я отъ нея требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая-нибудь замѣна того счастья, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ.... Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, написанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 года послѣ вашего отъѣзда. Не помню, почему оно не послано, но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нея довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ перемѣнить мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что *она не захотѣла нашего счастья*“¹⁾).

Послѣдняя хронологическая помѣтка въ дневникѣ 9-го іюля; писана она въ дорогѣ („завтра увидимся, другъ милой“); слѣдующая, вѣроятно, уже въ Муратовѣ, можетъ быть, послѣ свадьбы Воейкова: „Милый другъ, когда я стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на нашу милую Сашу и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразило меня слово „Отче нашъ“ и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя со-всѣмъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ Промыслу, и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я общалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нея*. Жаль, что это не написалось тогда же такъ, какъ было въ душѣ“. — Слѣдуетъ разборъ и поясненіе каждой части, каждаго призванія молитвы, напр.: „Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. О! Это пишу отъ всего сердца! Прочь низкое, прочь злоба! Съ именемъ святого Отца всѣмъ любовь или всѣмъ прощеніе. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами здѣсь судили. Другъ мой, я начинаю *новую дорогу жизни*: вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы! Оскорбленія не чувствовать не могу, но прочь злоба: я буду достоинъ моего небеснаго Отца! Вся моя жизнь Его Провидѣніе“.

„Воейковъ сейчасъ рассказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ

1) Сл. выше стр. 125.

маменькою. Боже мой, сколько обвинений!—Последнее—и кончу навсегда. Сейчас говорили мы съ Воейковымъ, обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой, будь съ нимъ искренна, ищи въ нихъ обоихъ подпору и *опору* имъ. Довѣренность не будетъ обманута.... Ты и Провидѣніе—въ васъ мое вѣрное счастье“; когда оно сбудется—неизвѣстно, но, „эта спокойная надежда стоитъ счастья. Я боялся одного, чтобы не захотѣли дѣлать насиліе твоему сердцу; Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейкова, какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ! онъ не обманетъ меня.... Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ неизмѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недоувѣрчивости другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!

Я живъ — и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій....“

Свадьба Воейкова состоялась 14-го іюля. Жуковскій продалъ свое имѣніе, чтобы составить приданое для Александры Андреевны, посвятилъ ей свою „Свѣтлану“—и уѣхалъ. Вѣроятно къ этому времени, а не къ послѣдней трети года относится слѣдующее событіе: Жуковскій поручилъ Воейкову передать Ек. Ав. Протасовой свое (недошедшее до насъ) письмо, но тотчасъ же спохватился: оно показалось ему слишкомъ рѣзкимъ, обиднымъ (онъ вспомнилъ, быть можетъ, свои слова о всепрощеніи), и онъ посылаетъ въ догонку за нимъ другое, въ которомъ винить самого себя: онъ самъ нарушилъ покой семьи и считаетъ необходимымъ удалиться, но желалъ бы, чтобы его помнили, любили и уважали и его мѣста въ семьѣ не забыли. Счастье, котораго онъ искалъ, оказалось невозможнымъ, онъ пересталъ желать его, „но оно никакимъ замѣнено быть не можетъ. Привязанность мою къ Машѣ сохраню вѣчно: она для меня необходима; она всегда будетъ моимъ лучшимъ и самымъ благодѣтельнымъ для меня чувствомъ. Эта привязанность дастъ мнѣ силу и бодрость пользоваться жизнью. Съ нею найду еще много хорошаго въ жизни“. Разлука все согласить. „Теперь все осталось для одной дружбы! Воспоминаніе одному только счастьемъ, однимъ добрымъ вмѣстѣ проведеннымъ минутамъ....“

съ такимъ воспоминаніемъ смѣло смотрю на будущее. Оно ничего у меня не отнимаетъ. Мое мѣсто въ сердцахъ моихъ друзей сохранено; все остальное Провидѣнію! Его утѣшаетъ мысль что не чужой, не забытый друзьями, онъ будетъ жить *розно* съ ними, „такъ, какъ бы и *вмѣстѣ*. А когда-нибудь и вѣчно вмѣстѣ. Теперь смѣло при васъ называю Машу моимъ другомъ; она мнѣ благодѣтельница на цѣлую жизнь. Моя привязанность къ ней самая чистая, и вы не должны ею оскорбляться. Благословите же меня прежнимъ благословеніемъ“. Онъ сталъ теперь гораздо спокойнѣе, можетъ перестать думать о потерянномъ, но не въ силахъ думать, что потерялъ его напрасно. „Того, въ чемъ полагаю истинное счастье, для меня никогда не будетъ. Это рѣшено на всю жизнь. Хуже быть для меня ничего не можетъ“. Въ жизни много добра и „безъ счастья“; лишь бы имѣть надежду на своего путеводителя; и горе бываетъ полезно; „болѣе всего даетъ оно надежду и вѣру“. „Я не могъ съ вами проститься. Это было бы тяжело. Съ вами, быть можетъ, и скоро увижусь, но съ вашею семьею, съ Муратовымъ, съ моимъ настоящимъ отечествомъ расстаюсь на всегда“¹⁾.

„Уѣзжать уже нѣтъ нужды—я уѣхалъ, писалъ онъ Кирѣевской 31 іюля изъ Черни; я желалъ бы, чтобы вы прочитали то, что я писалъ тетюшкѣ“. Ни съ кѣмъ онъ не говорилъ такъ о Машѣ, какъ съ нею, ни съ кѣмъ не былъ такъ искрененъ; а была ли она искренна, когда говорила, что никто не умѣетъ любить Машу такъ, какъ онъ? Чего онъ требовалъ — это семьи, въ которой онъ былъ бы уважаемъ и „могъ свободно любить Машу въ глазахъ матери“. Возвратиться на старое, то есть на мысль о женитьбѣ, онъ не желаетъ; „что если одна минута слабости дастъ это согласіе и ничто имъ не перемѣнится? Избави Богъ! Рай такъ легко сдѣлать. О! я чувствую, какъ бы это было легко! Но что, если вмѣсто этого рая попаду въ прежній адъ?“ Нѣтъ, лучше остаться при своемъ горѣ: „это мое — свято, и много, много хорошаго въ жизни есть и безъ счастья“.

Онъ удалился, оберегая спокойствіе Маши, и въ другомъ письмѣ къ Кирѣевской, вѣроятно, того-же времени, защищаетъ противъ толкованія, которое дали его словамъ: „она спокойна а меня тамъ нѣтъ!“ „Это не противорѣчіе: хорошо быть съ нею мыслями, воображеніемъ, но какъ не сжаться

1) Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 31 слѣд.

сердцу, когда подумаешь, что милое вмѣстѣ могло бы осуществиться на дѣлѣ? Какъ ни называй прекраснымъ то, что тяжело и дурно, сердце не повѣритъ. Нѣтъ, я знаю, что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше, и сожалѣніе будетъ не только храниться, какъ драгоценность, въ сердцѣ, но будетъ и хранителемъ сердца“; сожалѣніе, которое не унижитъ ни его самого, ни свѣта, ни жизни передъ его глазами. Нужно для того спокойствіе у него есть: оно состоитъ въ „довѣренности, въ покорности Провидѣнію.... Воспоминаніе, святая, утѣшительная мысль о моемъ товарищѣ — пусть будутъ они хранителями моего сердца“.

Жуковскій обѣщалъ Тургеневу „много“ писать о себѣ (21 іюня 1814 г.), но письма, очевидно, рѣдѣли ¹⁾, а между тѣмъ другъ тревожился: „Не зная новыхъ причинъ твоей скорби, ищу утѣшенія для тебя въ твоемъ талантѣ и во времени, все, почти все исцѣляющемъ, хотя знаю изъ опыта, что часто исцѣленіе временемъ ужаснѣе раны самой жестокой. Напиши ко мнѣ всѣ подробности твоей теперешней жизни и не страшись вѣрить тайную грусть души твоей тому, кто по одной неограниченной, глубокой и горячей къ тебѣ привязанности заслуживаетъ твою довѣренность, но и потому, что часто самъ имѣетъ нужду въ другѣ тебѣ подобномъ“. И для него надежда блѣднѣетъ, невозможность счастья становится очевиднѣе, „хотя, впрочемъ, невозможность моя зависитъ почти отъ условій большого свѣта“ ²⁾.

„Большое письмо“, которое Жуковскій обѣщалъ написать Тургеневу, никогда не было написано, и не по лѣни, а „потому, что въ немъ было бы много несправедливаго, внушеннаго огорченіемъ; а то, что и было бы справедливо, должно быть пре-

1) Неизданное письмо Тургенева 14 августа 1814 года написано въ отвѣтъ на неизвѣстное намъ письмо Жуковского отъ 4-го того-же мѣсяца.

2) Неизданное письмо 27 августа 1814 г. Та-же просьба повѣрить ему свою грусть въ неизданномъ-же письмѣ 29 сентября. „Я хранилъ бы ихъ (письма Жуковского), какъ памятники твоей дружбы ко мнѣ, которой изъясненія, и самыя легкія, право, сладостны и утѣшительны. Слова: „Что твой Тургеневъ братъ“ въ посланіи къ володьковскому барону меня тронули до глубины сердца и нѣсколько укротили дружескій гнѣвъ мой на тебя за долгое и тщетное ожиданіе того длиннаго письма, которое давно, давно обѣщано было“. Что это за Посланіе къ володьковскому барону (барону Черкасому)?

дано забвенію и исправлено. Я думаю, черезъ часъ послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ обстоятельства перемѣнились“¹⁾.

Если подъ „послѣднимъ“ письмомъ Жуковскій разумѣлъ дошедшее до насъ сентябрьское, то обстоятельства дѣйстви-тельно перемѣнились: въ письмѣ зазвучало что-то бодрое, если не жизнерадостное. „Мнѣ о многомъ, многомъ надобно говорить съ тобою, и многое тебя изумить. Но радостнаго ничего не жди; можетъ быть, за то иное и восхититъ твою душу, а иное и очень, очень сожметъ. Все это загадка; я тебѣ ее разгадаю. Только ты откликнись, другъ, товарищъ, всегда вѣрный и неизмѣнный сердцемъ, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всѣхъ это сказать можно. Не обо всѣхъ! О немногихъ, очень немногихъ.... До сихъ поръ гений, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтоже-ства, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу— на что тебѣ его называть? ты его имя угадаешь—я опять поднимаюся, смотрю на жизнь другимъ глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнию. Теперь слава мнѣ *драгоценна*. Братъ! твоя дружба, любовь нѣкоторыхъ *добрыхъ*, чистая, не униженная ничѣмъ презрѣннымъ слава и этотъ ангелъ, кото-рый смотритъ на мою жизнь, какъ на свое благо.... Еще жить можно!

Und ein Gott ist's, Der der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen!

....Вы часто будете обо мнѣ слышать. Между нами: я хочу писать Посланіе Государю.“ И Кирѣевскую онъ проситъ въ сентябрьскомъ же письмѣ²⁾ не беспокоиться о немъ: онъ не впалъ въ уныніе, жизнь и безъ счастья кажется ему чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ. „Слава для меня имя теперь святое. Хочу писать къ царю“.

Письмо Жуковскаго поставило Тургенева въ нѣкоторое

1) Къ Тургеневу 20 октября 1814 г. Отвѣчая на это письмо 13 ноября Тургеневъ проситъ Жуковскаго прислать ему его новую балладу (Старушку) и сообщаетъ, что досталъ недавно его „французскій отрывокъ изъ Académie des Impertinents“ (?).

2) Сл. Русская Старина 1883 г., мартъ, стр. 665—666, № 18 (въ концѣ 1814 года). Хронологія устанавливается указаніемъ на „Посланіе“. Сл. ib., февраль, № 16.

недоумѣніе, и онъ напелъ возможнымъ укорить Жуковскаго за его излишнюю осторожность и несообщительность. „Что значить слова твои: *не о вѣхъ?* Что должно *изумить* меня? Ты обѣщаешь разгадать загадку.“ Пусть довѣритъ ему движенія души своей, онъ раздѣлитъ съ нимъ „не одну грусть, но и самое негодованіе“. „Любовь твоя къ жизни и славѣ, которой источникъ находишь ты въ другой любви, меня нѣсколько успокоиваетъ, и я радуюсь твоему душевному выздоровленію.“ И опять просьба объ искренности: пусть съ первою почтою разрѣшитъ его сомнѣнія и скажетъ все, что у него на сердцѣ — и не оставляетъ мысли „писать посланіе къ Государю“ (2 октября 1814 г., неизд.).

Разгадку приноситъ дневникъ Жуковскаго.

15-го сентября Жуковскій вписывалъ въ одну изъ знакомыхъ намъ тетрадокъ письмо Маши въ отвѣтъ на его собственное; вписывалъ, по обыкновенію, со своими коментаріями, на этотъ разъ восторженными. Книжка сентябрьская; въ началѣ текста эпиграфъ: „Все въ жертву для нея“. Письмо Маши показываетъ, какъ всецѣло прониклась она філософіей смиренія, въ которой старался утвердить себя Жуковскій; она не только овладѣла ея фразіологіей, но овладѣла и положеніемъ, изъ котораго Жуковскій не въ силахъ былъ выпутаться: смиренное ожиданіе того, что поплетъ судьба, не исключало энергіи въ настоящемъ, и Маша старается пробудить эту энергію. Она огорчена его „малой довѣренностью къ пріятелю“ („не недовѣрчивость къ пріятелю, мой другъ, а забвеніе самого себя, замѣчаетъ Жуковскій, естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ, многое, быть можетъ, и увеличивалъ“), не будетъ несчастлива и не можешь быть несчастливой: „Добрый, милостивый Отецъ, который вездѣ со мною, который любитъ меня для тебя („для меня! Боже мой, стою ли я такой высокой обо мнѣ мысли“!), можетъ-ли онъ допустить это! *L'amour parfait chasse la crainte.... Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten*“, повторяетъ она стихъ изъ Оберона ¹⁾: она смотритъ на свою теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, данный ей для того, чтобы приготовиться къ счастью, быть его достойной; два года будутъ проведены розно, а по возвращеніи изъ Дерпта навѣрно настанетъ время, когда они бу-

1) Сл. выше стр. 168.

дуть жить вмѣстѣ. „Базиль! Ты слишкомъ много огорчаешься равлукой! Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя недостойны. *Mon ange, ta vie doit être active, utile à tous ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du courage....* Для тебя начнется новая жизнь! Боже мой! *Mon ami, il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus, il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*“.—Мама просила его не отдавать маменькѣ письмо, которое онѣ для нея приготовилъ; добра изъ этого не выйдетъ; „если у тебя есть силы, то поговори съ ней самъ, но этого я бы желала только для того, чтобы она хотя послѣдніе два дня была лучше съ тобой. О, какое ужасное раскаяніе ее ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею!... Она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны, признаться ей тяжело... Я боюсь за ея здоровье; намъ надобно беречь ее“.—„Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую. *Tu me prometteras de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ta gloire et mon bonheur. Если бы ты зналъ, сколько меня упрекала совесть (за) это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ! Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отнимаетъ у тебя будущее, не давая въ настоящемъ ничего кромѣ слезъ. Итакъ занятія, непременно занятія!*“ („Бездѣйствіе! Нѣтъ оно было не отъ тебя! замѣчаетъ Жуковскій. Теперь мы розно, и что-же влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что-же, когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? Итакъ вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили“). Она желала бы, чтобы онѣ занялся воспитаніемъ дѣтей (Кирѣевской). „*Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage! Mais cela aussi c'est à toi que je le dois*“. Она обѣщаетъ писать ему; его письма къ Ал. Павл. Протасову въ Петербургѣ будутъ писаны и для нея, а Кирѣевской онѣ будетъ диктовать ея письма: „ты будешь писать рецензіи между строкъ, но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать“.

Въ концѣ письма: „*Je te bénis, je prie pour toi à tous les instants du jour! Ma vie! Persévérance*“.

Жуковского это письмо подняло; если „наканунѣ и въ самый день отъѣзда я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна,

это твое дѣло“, пишетъ онъ отъ себя; „ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать твое превосходство надо мною — и какъ весело это чувствовать!“ Она велѣла ему называть себя его „матерью“ за ея нѣжную заботу о его судьбѣ; *ta vie doit être active* — сказала она — какое счастье повиноваться ея требованію! Жуковский сообщаетъ ей „кодексъ“ своихъ будущихъ занятій. Прежде всего „писать (и при этомъ правило: жить, какъ пишешь, чтобы сочиненіи были не маска, а зеркало души и поступковъ)... Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно“. Затѣмъ — воспитаніе дѣтей; „Владимиръ будетъ написанъ“. „Нѣтъ, моя бѣлая книга не останется пустой, — бѣлой книги не страшусь. Провидѣніе твоею рукою начертало въ ней невидимую черню, видимую сердцу: жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ и этимъ заслужить счастье, которое вѣрно“. Его ежедневныя занятія будутъ слѣдующія: 1) „Собраніе понятій о религіи“; у него нѣтъ еще полнаго понятія о религіи, но онъ желаетъ вѣрить и будетъ „имѣть чистую, достойную чело-вѣка и Бога вѣру.... Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. Итакъ: чтеніе священнаго писанія, книгъ о религіи и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и, для тебя, особенное собраніе этихъ мыслей; 2) Чтеніе моралистовъ. Хочу непременно дѣлать свои прививки, то есть каждый день къ какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждый день означенъ былъ своею особенною мыслию; 3) Каждый день двѣ или три страницы прозы о чемъ бы то ни было. Это составитъ со временемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это ужь готовъ альбомъ; 4) Всякій день непременно писать въ стихахъ, и все будетъ для тебя переписано; 5) Чтеніе книгъ о воспитаніи.... изъ этихъ матеріаловъ со временемъ составить письма о воспитаніи.... Можетъ выйти прекрасная книжка“; 6) Записывать свой день. Это для тебя. Дурное и хорошее безъ закрывки передъ моимъ другомъ, передъ моею совѣстью, передъ вторымъ Провидѣніемъ моимъ“.

Онъ поощряетъ Машу къ чтенію Св. Писанія, моралистовъ и къ „запискамъ дня“. „Сдѣлай книжку, въ которую бы запи-

сывать лучшее изъ Св. Писанія и духовныхъ писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ, и къ нимъ также свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голубую книжку). Все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ“....

„Теперь послѣднее слово. Другъ мой! *Persévérance*, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу надежду и даже счастье... Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны счастья*“.

Между 15-мъ сентябремъ, когда написано было это письмо, и 26-мъ произошло нѣчто, на что Жуковский пересталъ рассчитывать, и „сладость веселаго вмѣстѣ“ („Эолова арфа“) снова ему улыбнулась. Поняла-ли Екатерина Аванасьевна чистоту чувства Жуковского, роль друга, которую онъ былъ готовъ принять на себя, но она изъявила согласіе на его поѣздку въ Дерптъ, и онъ счастливъ, ему уже грезится утопія, возможная лишь въ атмосферѣ сентиментализма: утопія совмѣстной жизни съ Машей въ ея семьѣ, въ распредѣленіи общихъ трудовъ и симпатій.—За приведеннымъ выше письмомъ слѣдуетъ въ томъ-же дневникѣ другое, коротенькое. „Все это было написано 15-го сентября. Милый ангелъ, кто-бы могъ ожидать такой переменны?

Ein einz'ger Augenblick kann Alles umgestalten 1).

Маша, дай руку на счастье. Мы будемъ вмѣстѣ, *вмѣстѣ!* Какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались! Теперь нечего и некогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнный! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ 2).... Это бу-

1) Та-же цитата изъ Оберона въ письмѣ къ Азбукину: „*Activité dans un petit cercle. Persévérance. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten; Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ, и оно будетъ твое*“. Далѣе приводятся стихи изъ стихотворенія самого Азбукина (Живу безъ страха межъ людей); на которое Жуковский отвѣтилъ 2-го октября („Добрый совѣтъ въ альбомъ В. А. Азбукину“).

2) „Безъ васъ“, т. е. когда Протасовы уѣдутъ въ Дерптъ, куда Жуковский явился позже? По письмамъ къ Ал. Тургеневу въ сентябрѣ, декабрѣ и въ первыхъ числахъ генваря Жуковский былъ въ Долбинѣ и Бѣлевѣ.

дети послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ, какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ, чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ: 1) Написать планъ нашей жизни (ангелъ, нашей!), 2) Переслать къ Тургеневу мои сочиненія, 3) *Собратся въ Дерптъ*, 4) Посланіе къ Государю ¹⁾ и перевести Библию.—Планъ жизни останется тотъ-же, прибавилось милое вмѣстѣ, которое надо устроить „какъ можно яснѣе и спокойнѣе; но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ?*... Прости, душа, радость, жизнь!“

Вотъ что объясняетъ поднятый тонъ сентябрьскихъ писемъ Жуковскаго къ Тургеневу и Кирѣевской. Онъ ожилъ и началъ творить. „Пишу безъ памяти“ писалъ онъ Тургеневу 20-го октября; „прошедшіе октябрь и ноябрь были весьма плодородны, повторяетъ онъ въ письмѣ 1-го декабря 1814 года. Я написалъ пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя могутъ вынести ²⁾. Всегда такъ писать невозможно: ухлопаешь себя по пустому. Жизнь мнѣ измѣняетъ; уцѣпился за безсмертіе! Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ; быть стихотворцемъ во всемъ смыслѣ этого слова — прекрасная мысль! Можетъ быть, и гордая мысль! Но развѣ надобно имѣть передъ собою цѣль низкую? Писать такъ, чтобы говорить сердцу и возвышать его, а между тѣмъ, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., какъ пишешь. Сверхъ того имѣть друзей—друзей твоей славы, друзей твоихъ чувствъ и мыслей, и съ ними еще *кого-нибудь*. Жаль, что тебя нѣтъ въ эту минуту подлѣ меня! Какъ бы было весело пожать тебѣ руку! И всякій разъ сердце сожмется, когда вспомнишь, что лучшаго нашего товарища во всемъ прекрасномъ (Андрея Тургенева) нѣтъ и никогда не будетъ“.

Шутливыя стихотворенія Жуковскаго, которыя назывались обыкновенно „долбинскими“, указываютъ, что перспектива счастья развязала въ немъ веселье, но любопытно психологически, что въ это-же время онъ возвращается къ темамъ

1) Посланіе затѣяно было уже къ маѣ (сл. письмо къ Тургеневу 5 мая), о немъ идетъ рѣчь въ дневникѣ 15 сентября, въ письмахъ къ Тургеневу отъ сентября, 20 октября и начала ноября; 1 декабря оно у него было готово (къ Тургеневу 1 декабря).

2) Сл. также письмо къ Тургеневу 8 ноября и примѣчанія издателя къ письмамъ 20 октября, 8 ноября и 1 декабря.

балладъ, не только страшнымъ или печальнымъ (Старушка ¹⁾, Варвикъ, Ахиллъ) но и къ темамъ *разставанья*: баллады Эльвина и Эдвинъ (изъ Маллета), Алина и Альсимъ (изъ Монкрифа), затѣянные или написанные 28—30 октября, Эолова арфа, помѣченная 9 и 13-мъ ноября и напоминающая мотивъ посланій къ Нинѣ (1808 г.) и Блудову (1810 г.), всё говорятъ о двухъ любящихъ, разлученныхъ отцемъ или матерью; Минвана Эоловой арфы — Минвана „Трехъ сестеръ“ (1808 г.), Арминій — Жуковский. Между 10-мъ и 24-мъ октября написанъ и Теонъ и Эскинъ на тему, знакомую сентиментальной поэзіи; тему Гольдсмитовыхъ *Deserted Village* и *Traveller*, которыя въ періодъ Вертера читалъ Гёте; „Опустѣвшую Деревню“ принимался когда-то переводить Жуковский. Счастье дома, нечего гоняться за нимъ по свѣту, чтобы, вернувшись, пожалѣть о томъ, что было такъ близко, такъ возможно. У Жуковского странствуетъ за счастьемъ Эскинъ и не находитъ его, но и Теонъ, оставшійся у очага, ограничилъ счастье — воспоминаніемъ сердца. „Безъ пышныхъ надеждъ“, въ смиренной хижинѣ на берегахъ Алфея, онъ былъ счастливъ со своей подругой, схоронилъ ее и по прежнему говорить, „что боги для счастья послали намъ жизнь, но съ нею печаль неразлучна“. И онъ не ропщетъ на Зевсовъ законъ: жизнь и вселенная прекрасны, но земное богатство не въ томъ, что можетъ разрушить судьба — то не наше, — а въ истинныхъ благахъ любви и возвышенныхъ мысляхъ.

Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
 Но счастье, вдвоемъ столь живое,
 На вѣки-ль исчезло? И прежніе дни
 Вотще-ли столь были прелестны?
 О, нѣтъ! Никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно,
 Страданье въ разлукѣ есть та-же любовь,
 Надъ сердцемъ утрата бессильна.

1) Старушка написана 14—15, 17 и 19 октября. Вѣроятно, о ней идетъ рѣчь въ неизданномъ письмѣ Тургенева 13 ноября 1814 года: онъ благодаритъ Жуковского за письмо 20 октября и проситъ прислать новую балладу „для меня единственно“. Загадочно для меня слѣдующее указаніе письма: „недавно досталъ я твой французскій отрывокъ изъ *Académie des Impertinents*“.

Скорбь о погибшемъ не есть-ли „обѣтъ неизмѣнной надежды“,

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее къ намъ возвратится?...
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

И Теонъ кончаетъ исповѣдью:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горе, и радость, все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Такова въ эту пору философія Жуковскаго; нѣкоторые афоризмы Теона останутся навсегда его девизомъ; пока его манить надежда что „вѣрно желанное будетъ“. Въ эти мѣсяцы задумано было и „Искупление“¹⁾, пересказъ второй части Шписава романа, первая часть котораго дала сюжетъ для „Громобоя“. У Шписа Вилдибальдъ, зачатый, по роковому случаю и не по винѣ родителей, внѣ брака, воспитывается на сторонѣ, невидимо опекаемый таинственнымъ старцемъ, который направляетъ его жажду любви къ высокой цѣли: двѣнадцать спящихъ дѣвъ, погруженныхъ въ вѣковой сонъ за грѣхи своего отца, ожидаютъ отъ него спасенія; одна изъ нихъ предназначена ему въ супруги. Любопытно было бы знать, какъ понималъ Жуковскій этотъ сюжетъ въ концѣ 1814 года; планъ „Искупления“, сохранившійся въ его бумагахъ, не даетъ объ этомъ понятія; въ 1817 г., когда написано было „Искупление“, явившееся подъ заглавіемъ „Вадима“, „желанное“ удалилось навсегда, и освѣщеніе мотива должно было измѣниться. Но уже теперь Жуковскій „уцѣпилъ за безсмертіе“.

Лишь бы любовью красоты
И славою чистою душа въ насъ пламенѣла,
Лишь бы, минутное отринувъ, съ высоты

1) Начато въ ноябрѣ 1814 г. См. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 1 декабря.

Она къ безсмертному летѣла,
И муза счастья богиней будетъ намъ.

(Къ Вяземскому, отвѣтъ на его посланіе къ друзьямъ 1814 г.).

Онъ пишетъ „Посланіе къ Императору Александру“, началъ „Пѣвца въ Кремлѣ“¹⁾. Путь къ славѣ, указанный Машей.

1) Въ составленномъ Жуковскимъ перечнѣ своихъ стихотвореній „Пѣвецъ“ стоитъ въ числѣ написанныхъ или только набросанныхъ имъ съ 1 октября по 24 ноября. 1-го декабря онъ извѣщалъ Тургенева, что *принялся* „за новый подвигъ. Пѣвецъ во станѣ, предсказавшій побѣды, долженъ ихъ воспѣть; и гдѣ-же лучше, какъ не на Кремлевскихъ развалинахъ . . . ?“